

Василий Токарев

Советская военная утопия кануна второй мировой

«Мечта, вторгающаяся в жизнь человека, может уже явиться драматическим событием, поскольку она может свидетельствовать о каком-то несоответствии между действительностью и запросами человека»
В.Туркин¹

Межвоенный СССР существовал в соответствии с лозунгом о капиталистическом окружении страны, который содержал две центральные идеи. Во-первых, идеологизированный образ мира, качественной стороной которого считалась принципиальная враждебность буржуазных государств к советской республике и, во-вторых, убежденность в том, что противостояние СССР капиталистическому лагерю неизбежно завершится серией вооруженных конфликтов. Будущая война постоянно присутствовала в планировании советских лидеров, если не доминировала в их расчетах. Через массированную пропаганду политическая элита транслировала собственное мироощущение на советское общество. Будущая война становится обязательным пунктом в системе общественно-политических ожиданий советских современников. Она в значи-

¹ Туркин В.К. *Драматургия кино. Очерки по истории и практике киносценария*. – М., 1938. – С.111.

тельной мере подчиняет себе их жизненные ритмы и помыслы, отражается в буднях.

Настоящая статья является попыткой реконструировать советский **пропагандистский** образ будущей войны² в тех общих чертах, в которых он сложился к 1939 г. не без влияния политической элиты и профессиональных военных. Используя категорию **будущего**, мы автоматически вторгаемся в область **антиципации** (от латинского *anticipatio* – предвосхищение событий или заранее составленное представление о чём-либо), под которой автор предлагает понимать предвосхищение контуров Будущего посредством идеологии и искусства, отражение «грядущего» в массовом сознании и повседневности³. Советская предвоенная антиципация являлась инструментом **прогнозирования** и одновременно его результатом, содержала в себе элементы коммунистической **утопии** как образа идеального мироустройства. В таком виде она обрела статус политически значимой цели, и стала мотивом массового поведения и содержанием общественных настроений. «Будущность для нас – говорил М.Горький, – это реальность, действительность. Прошрое и даже настоящее от нас не зависит. Будущность – создаваемая действительность»⁴.

Традиционно, как было продемонстрировано литературным процессом рубежа XIX-XX веков, противостоянию Генеральных штабов предшествовало и сопутствовало соперни-

² Не однажды темы касались в своих мемуарах современники, и мимоходом проблема затрагивалась в капитальных трудах по истории Великой Отечественной войны, советского кинематографа и драматургии. По мнению автора, наиболее значительными и плодотворными среди научных работ являются исследования Е.В.Харитонova, В.А.Ревича, Н.Ю.Кулешовой и М.Кузнецовой (Харитонов Е.В. «Без войны они скучают...» *Воображаемые войны в русской фантастике* // Библиография. – №4, 1995; Ревич В. А. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. – М., 1998; Кулешова Н.Ю. «Большой день»: *Грядущая война в литературе 1930-х годов* // Отечественная история. – №1, 2002; Кузнецова М. *Если завтра война... Оборонные фильмы 1930-х годов* // Историк и художник. – №2, 2005).

³ Токарев В.А. *Тоталитарная антиципация (штрихи к портрету 1930-х годов)* // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. – Москва-Магнитогорск, 2001.

⁴ Шкловский В.Б. *Собрание сочинений*. – М., 1973. – Т.1. – С.694.

чество немецких, английских и русских литераторов, которые сводили счёты с вероятными противниками посредством чернил и бумаги. Японская агрессия в Китае и торжество нацизма в Германии повсеместно актуализировали жанр военной утопии. «Между тем художественные произведения о будущей войне нам необходимы. – призывал советских писателей в 1935 г. редактор журнала «Война и революция» комкор Р. Эйдеман. – Мы тут отстали на литературном фронте, совершенно исключительно отстали. У нас нет сейчас ни одного художественного произведения о будущей войне»⁵. Советская антиципация, приняв вызов зарубежных публицистов и писателей, которые рисовали воображаемую победу над СССР, была неоригинальна и тогда, когда обратилась в 1920-30 гг. к жанру военных утопий. Жанр «чернильной дуэли» имел, как отмечал Л. Геллер, очень мало общего с научной фантастикой и с художественной литературой⁶. Прежде всего, художников обязали говорить о будущем в канонах реализма. «Наши мечтания и наша романтика – писал один из наиболее авторитетных литературоведов межвоенной поры В. Гоффеншефер, – органически вытекают из реалистического вскрытия явлений нашей действительности»⁷. Точнее других творческий метод жанра военных утопий попытался однажды сформулировать литературный критик А. Головлев: «Нам нужны не всякие фантазии, а только такие, которые предвосхищают развитие самой объективной действительности. И самое минимальное требование, которое мы должны применить к ним, – не извращать, не искажать объективной действительности. Ленин, ссылаясь на Писарева, который отличал мечту полезную от мечтательности пустой, высказывается за такую мечту, «которая может обгонять естественный ход событий», и против такой мечты, «которая может хватить совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход

⁵ Литературная газета, 10 марта 1935.

⁶ Геллер Л. *Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике*, – London, 1985. – С.77.

⁷ Гоффеншефер В. *Мировоззрение и мастерство*. – М., 1938. – С.108-109.

событий не может придти»... Это и есть социалистический реализм в утопии как литературной форме – отражать предвосхищая, а не искажая действительность»⁸. Социалистический реализм в утопии, вызванный опасением «исказить объективную действительность», вытеснил художественный вымысел **моделированием** ближайших событий с эпизодическим вкраплением деталей технического прогресса. Правда, надо отдать должное советским иллюстраторам будущей войны, которые все-таки пытались уделить основное внимание человеку. Известные режиссеры братья Васильевы в этой связи писали: «В связи с темой будущей войны возникает вопрос: в какой степени писателю – кинематографисту можно пользоваться элементами фантастики? Фантастикой, конечно, можно пользоваться. Вопрос только в том, чтобы элементы техники не подменяли сущности, чтобы люди руководили техникой, а не техника руководила людьми, чтобы не было такой техники, которая довлела бы над людьми. Для нас важна не только техника, важнее то, в чьих руках эта техника»⁹. Разумеется, существенным фактором был талант того, кто распоряжался творческим методом. Кому-то удавалось обогатить жанр произведениями искусства, кому-то посилой оказалась планка оперативного плаката. Среди художников, которые в разное время были заняты в жанре военной утопии, можно упомянуть кинематографистов А. Мачерета (фильм «Родина зовет»), А. Роома (фильм «Эскадрилья №5»), Л. Анци-Половского (фильм «Неустрасимые»), М. Калатозова и Л. Трауберга (сценарий «Гибель богов»), режиссеров театра И. Берсенева (спектакль «Миноносец "Гневный"»), В. Мейерхольда (спектакль «Последний решительный»), А. Дикого (спектакль «Большой день»), писателей Л. Леонова (роман «Дорога на Океан»), А. Толстого (повесть «Это будет»), П. Павленко (роман «На Востоке»), М. Булгакова (пьеса «Адам и Ева»), А. Афиногенова (сценарий «Синее море»), М. Светлова (сценарий

⁸ Головлев А. О романе Гельдеса и вариантах Павленко // Книга и пролетарская революция. – №5, 1935. – С.14.

⁹ Васильев Г.Н., Васильев С.Д. Собрание сочинений. – М., 1982. – Т.2. – С.280.

«Если завтра война»), С. Кирсанова (поэма «Робот»), Г. Гайдовского (пьеса «Завтра»), Е. Петрова (роман «Путешествие в страну коммунизма»), А. Новикова-Прибоя и А. Перегудова (сценарий «Преданность»). Список можно продолжать и продолжать: С. Вашинцев, В. Курочкин, С. Беляев, Б. Ласкин, Е. Помещиков, С.Э. Радлов, С. Ерубасев... (а ведь можно еще добавить тех, кто вынашивал замысел и не успел его реализовать: Н. Тихонов, В. Инбер, Я. Качура, Н. Вирта и М. Брагин...) Их совокупными усилиями и цензурным вмешательством были очерчены контуры **пропагандистского** образа будущей войны, который поэт А. Сурков позже окрестит «конфетной „идеологией“»¹⁰.

Советская военная утопия, как было отмечено выше, была по преимуществу реалистичной. Будущая война возвещалась как **завтрашний** день, их участники – **подлинными** лицами, противник имел **конкретную** географическую прописку. В своем развитии военная утопия преодолела условность и, в конце концов, поступившись дипломатической корректностью, стала «указывать пальцем – фашистская Германия, императорская Япония...»¹¹. Реализм не препятствовал тому, чтобы антиципация фабrikовала привлекательную, лишенную всякой полифоничности модель близкой войны, все составные части которой укладывались в официальную триаду «малой кровью, могучим ударом, на территории противника». Последнюю можно назвать базовым методологическим принципом советской антиципации применительно к будущей войне. Тезис о «могучем ударе» предполагал, что каждое сражение будущего ведет к сокрушительному поражению врага. Причем, во второй половине 30-х гг. разработчики мифа о победоносной войне отказались от тезиса о зависимости советской обороны от поддержки зарубежного пролетариата. Отпор Красной Армии признавался самодостаточным. В необычном выпуске «Комсомольской правды» (ноябрь 1938), который

¹⁰ Сурков А.А. *Голоса времени. Заметки на полях истории литературы 1934-1965.* – М., 1965. – С.159.

¹¹ Ревич Вс. А. *Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны.* – М., 1998. – С.141.

редакция датировала как «19... год. В один из дней будущей войны», была помещена воображаемая корреспонденция с фронта «политрука С.». В бодром обращении к читателю из будущего живописался эпизод войны с «некоей империей», чья армия вторжения попыталась нарушить границу в «районе высоты 112». Описание штурма вражеских позиций как раз соответствовало параметрам «могучего удара»:

«Используя складки местности, красные бойцы идут в обход левого фланга противника. Скопляемся для броска в атаку. Убежденные, видимо, в неприступности своих укреплений, фашисты сперва отвечают редким огнем на огонь наших артиллеристов и пулеметчиков. Но вот фашистские наблюдатели завидели нас. И сразу же противник открывает ураганный огонь. Несколько человек в наших рядах падают...

Громовое «ура» сотрясает воздух. Мощной лавиной двинулись бойцы на врага. С гранатами и пистолетом в руках выбегает вперед комиссар. В атаку, бойцы! Коммунисты и комсомольцы, за мной! Бей фашистов! Бей до единого! За родного Сталина, за власть Советов вперед! – громко кричит Сизов и первым бросает гранаты в окоп врага.

Ошеломленные неожиданным натиском, фашистские солдаты, бросив винтовки, забегали, как мыши, по ходам сообщения. Не помогли ругань и крики офицеров. Вот один из них, выскочив из окопа, размахивая клинком и громко крича, бросился на комиссара. Но красноармеец Ванин метким ударом штыка сразил офицера.

Так снарядам и пулей, штыком и гранатой наши доблестные воины громили фашистов. Уцелевшие бандиты в панике бежали с высоты...»¹² и т.д.

¹² Комсомольская правда, 7 ноября 1938. По стечению обстоятельств в день первого прибытия в Москву министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа советская радиостанция ВЦСПС должна была передавать отрывки из фантастической повести С. Беляева (Беляев С. *Истребитель* 22.– М.-Л., 1939.), в которой Красная Армия лихо расправлялась с оборонной фашистов. Рецензии на повесть см.: Волков А. С. *Беляев. Истребитель* 22 // Детская литература. – №7, 1939; Воложенин А. С. *Беляев. Истребитель* 22 // Новый мир. – №7, 1939.

Такие патетические параметры «могучего удара» как «неожиданный натиск», «громовое „ура“» и «мощная лавина», тщательно соблюдавшиеся советской антиципацией, превратили будущую войну в подобие активной формы времяпровождения. В небезупречной с нравственной точки зрения рецензии А. Гурвича «Фальшивка» о пьесе В. Киршона «Большой день» содержалось замечание, уместное для большинства произведений советской военной утопии: «Так побеждают обычно дети, когда играют в войну»¹³.

Наступательный тезис «на территории противника» оберегал советскую страну от разрушений и обременительной эвакуации. В 1935/1936 г., в самый трезвомыслящий период развития советского военного искусства и кадрового благополучия, командир танковой бригады И. Дубинский приступил к работе над романом «Отпор» о будущей войне. По сюжету, как вспоминал Дубинский, несметные полчища немецких, венгерских, румынских, итальянских, финских солдат вторглись на советскую территорию. Вероломно напавший враг смог пройти лишь до приграничного украинского городка Проскурова. В момент написания «Отпора» Красная Армия, безусловно, обладала материальными и пока интеллектуальными ресурсами, чтобы задержать агрессора в пограничной полосе. Однако учету объективных факторов автор предпочел, как следует из мемуаров Дубинского, иррациональное обоснование. В романе дальнейшее продвижение противника вглубь Советского Союза было остановлено верой автора романа в основательность официальной доктрины («Ни пяди своей земли противнику. Навязанную нам войну будем вести на территории врага») и ворошиловскую риторику. Именно верой было продиктовано последующее развитие сюжета: «Наши воины вышибли проникнувшие на нашу территорию враждебные силы и с первых же дней войны, опровергая выкладки Свечина, заняли обширный плацдарм на чужой

¹³ Литературная газета, 5 июня 1937.

земле»¹⁴. Незначительное и, самое главное, кратковременное проникновение врага вглубь советской территории не исключал П. Павленко в романе «На Востоке». Такое допущение опротестовал в марте 1939 г. двадцатидвухлетний читатель Л. из Рославля: «Этого не будет. Действительность это оправдает. «Враг должен быть разбит и уничтожен на его же собственной территории и с наименьшими жертвами с нашей стороны». В этом случае у меня с автором разногласия»¹⁵. Тактический успех противника в первые часы войны в ряде произведений лишь подчеркивал последующий триумф Красной Армии.

Идея «малокровной войны» была весьма основательно развита антиципацией. Во второй половине 30-х годов военная утопия дистанцировалась от живописания летального масштаба будущей фронтовой борьбы. Произведения, появившиеся после романа П. Павленко «На Востоке», завершили расставание с драматическим каноном пьесы Вс. Вишневского «Последний решительный» (1931), в финале которой погибали все персонажи. В Советском Союзе продолжали предупреждать, что будущая война потребует много жертв, однако в знаменателе смутного «много жертв» продолжало числиться привычное «малой кровью». Темы смерти касались эпизодически, ритуально напоминая о реализме военной утопии. Будущая война считалась областью героического. Подвиг утверждал цену человеческой жизни, и антиципация даровала современнику право не думать о смерти или же по мессиански уверовать в то, что смерть одного человека должна сохранить жизнь тысячам другим. Антиципация внедряла в массовое сознание рекомендуемые типы героического поведения на войне, например, авиационный таран или стоическую смерть в исключительных обстоятельствах – в плену. Этика предвоенного поколения, готового страдать в настоящем ради Будущего, предрасполагала к самопожертвованию. Нравственный императив эпохи был задолго до войны подмечен М.

¹⁴ Дубинский И.В. *Особый счет*. – М., 1989. – С.70.

¹⁵ РГАЛИ. Ф.2199. Оп.1. Д.214. Л.13.

Пришвиным: «Одно будущее выходит, развиваясь из настоящего, другое – из жертвы собой»¹⁶. Последняя модель отношения к судьбе была присуща именно советскому обществу.

Антиципация подчеркивала «человеческий контраст» между советскими людьми и представителями капиталистического мира. Противник изображался убогим и недальновидным, физически немощным или трусоватым. Известный писатель Борис Лавренев, посмотревший спектакль «Большой день» в театре, вспоминал реакцию зрителей на сценическое изображение штаба противника («камеры ужасов провинциального паноптикума»): «В зале театра сидели в большом числе летчики. Они восторженно хохотали на каждом «проблемном» месте пьесы, начиная с первой картины, но в картине немецкого штаба хохот их дошел до апогея и стал даже смущать артистов»¹⁷. В пьесе В. Азовского «Двойным ударом» (1939) даже при описании внешнего вида пленников враждующих сторон соблюдалась эстетическая дистанция. Согласно авторским ремаркам, пленный немецкий летчик, маленький и щуплый, отличался «бледным болезненным лицом и лихорадочно горящими глазами». Попавшие в плен советские бойцы выделялись «здоровым и свежим видом»¹⁸. Человеческая контрастность, помноженная на идейное и нравственное превосходство советского человека, была озвучена в качестве ведущего фактора будущей войны. По отношению к нему современная техника занимала подчиненное значение. Сталинское «золотое перо» публицист Д. Заславский уверял: «При равных арифметических данных самолет с пилотом-коммунистом в несколько раз сильнее, чем самолет с пилотом-фашистом или пилотом-наемником. Политика сидит внутри

¹⁶ Пришвин М.М. *Дневник 1939 года. Июль – Декабрь* // Октябрь. – №11, 1998. – С.136.

¹⁷ Лавренев Б. *Драматургия осинового манекена* // Рабочий театр. – №7, 1937. – С.13.

¹⁸ РГАЛИ. Ф.656. Оп.3. Д.11. Л. 147,181.

танков, и она действует даже тогда, когда отказывают бензиновые баки»¹⁹.

Будущую войну антиципация предусматривала как часть «поступательного движения» советских пятилеток. Пафос созидания тридцатых годов дорисовывал лик грядущей войны. Созидательное начало будущей войны популяризировалось наиболее проницательным автором, каким можно назвать Эрнста Генри (С.Н. Ростовский): «Социалистическая и пацифистская армии ничего не разрушает и не подавляет, но везде появляется как избавитель»²⁰. Например, П. Павленко наполнил свою книгу новой символикой и его роман завершился концептуально значимой главой: на фоне идущих сражений пленные японцы, китайцы и корейцы возводят в сопках Манчжурии город с идеологически выверенным названием - Сен-Катаяма. «Строительство в условиях повышенной смертности», когда все думают о «гвоздях и сражениях». Читательница из Ворошиловграда Е.Белинская с вдохновением прокомментировала: «Заключительная глава – прекрасный

¹⁹ Заславский Д. *О крепких нервах и верной политике* // Красная звезда. 7 ноября 1938. Незадолго до Заславского сталинский консультант по международным делам Карл Радек следующим образом обосновал моральную уязвимость фашистского летчика: «Но когда придет испытание кровью, но когда придет испытание под огнем противника и когда дойдут сведения о том, что думают о войне народные массы, когда военный летчик будет читать осуждение войны на хмуром лице своего механика, погнанного на войну насильно, на хмурых лицах рабочих-солдат, обслуживающих ангара, ремонтные мастерские, то в сердце его зашевелится сомнение. Оно будет расшатывать мужество пилота ночью на койке, во время подготовки к полету, оно холодным камнем ляжет на его сердце во время боя. Вы будете биты в воздухе, господа фашисты, ибо большинство тех, которым вы доверите свои воздушные машины, в вас усомнятся!» (Радек К. *Машины и люди воздуха* // Известия. 18 августа 1935).

²⁰ Генри Э. *Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистской и социалистической армиями*. – М., 1937. – С.336. Книга Эрнста Генри *Hitler over Russia* (1936) была преподнесена советскому читателю как труд вдумчивого английского журналиста. Современную интерпретацию легендарной книги Э.Генри см.: Добролюбов Я. *Блеск и тщета военной футурологии* // Отечественные записки. – №1, 2002; Безыменский Л.А. *Э.Генри и германский военный план «Барбаросса»* // Генри Э. *Гитлер над Европой? Гитлер против СССР*. – М., 2004; Драбкин Я.С. *Эрнст Генри – «наш человек в XX веке»* // Новая и новейшая история, – №4, 2004.

сказ о великом грядущем»²¹. Антиципация опротестовала тотальную войну во имя разрушения и ради истребления. Военная доктрина, как часть советской антиципации, также предписывала Красной Армии руководствоваться пролетарским альтруизмом и щадить своих братьев по классу и гражданское население в целом. По прочтению романа «На Востоке», в котором описывалась советская бомбардировка Токио, шестнадцатилетний ученик Дмитрий Филиппов согласится с Павленко: «Наше правительство не намерено посылать своих соколов на разгром мирного населения, наши соколы будут совершать ответные удары по банкам капиталистов в ответ на бомбардировку мирного населения»²².

Была также вмонтирована в антиципацию **коминтерновская мифология**. Считалось, что будущая война автоматически вызовет противодействие зарубежного пролетариата, ожидающего своего освобождения от капиталистического рабства, и готового выступить на защиту своего социалистического отечества. В августе 1938 г. в московском Современном театре состоялась премьера спектакля «Победа» (по пьесе И. Вершинина и М. Рудермана). Полудетективное драматическое действие разворачивалось на вражеской территории. В крестьянском подвале взрывом снаряда оказались завалены два советских бойца и шесть вражеских солдат, взятых в плен. После четырех дней изоляции от внешнего мира большинство пленников, расправившись с собственным офицером, берут вновь в руки оружие, чтобы вместе с советскими товарищами принять смерть в бою, теперь уже против общего врага. Согласно антиципации, советские политические ценности и пролетарская солидарность были эффективным средством разложения вражеской армии и мобилизации классовых союзников. Коминтерновская мифология определяла будущую войну со стороны СССР как войну революционную. Самый сокровенный смысл грядущей войны состоял в окончательном

²¹ РГАЛИ. Ф.2199. Оп.1. Д.214. Л.19.

²² РГАЛИ. Ф.2199. Оп.1. Д.214. Л.50.

уничтожении капиталистического окружения, которое приносило в жизнь советских людей столько зла. «Это была всеобщая мысль, - писал П.Павленко в романе «На Востоке», - что война, которую принужден вести Советский Союз, будет борьбой за всемирный Октябрь»²³. Война, как и революция, позволяла стереть с политических карт ненужные границы и суммировать народы в единое социалистическое целое.

Таким образом, советский **пропагандистский** образ будущей войны полностью соответствовал **формуле оптимизма**, однажды высказанной А.Толстым: «Оптимизм – это тот конечный вывод, то душевное состояние торжества, справедливости, конечной победы и ясно видимой дороги к счастью, вывод, который остается у читателя, когда он захлопывает прочитанную книгу, у зрителя, когда он уходит из театра...»²⁴

Применительно к антиципации уместно говорить не только о том, что творцы военных утопий заблуждались, передоверяя риторике Власти, но также о том, что некоторые из них разбавили свой талант и способность предвидеть будущее значительной порцией конформизма. Например, знаменитый автор «Цусимы» А. Новиков-Прибой, человек, скептически относившийся к сталинским экспериментам и уподоблявший диктатора царскому адмиралу Рождественскому, в частных беседах критиковал «облегченные варианты» войны, как, например, в фильме «Если завтра война» и романе «На Востоке». В 1937 г. Новиков-Прибой получил предложение подготовить сценарий о флоте. К следующему году вместе с писателем А. Перегудовым им был подготовлен литературный сценарий «Преданность» о будущей войне. Заключительные сцены фильма, по мысли соавторов, должны были выглядеть как триумф Красной Армии: «Мчатся советские танки, сметая все препятствия на своём пути. Летят штурмовики-самолёты. Идёт в атаку пехота. Соппротивление противника окончательно сломле-

²³ Павленко П. *На Востоке*. – М., 1937. – С.378. В послевоенных изданиях романа процитированная фраза была изъята из текста.

²⁴ Толстой А.Н. *Полное собрание сочинений*. – М., 1953. – Т.15. – С.339-340.

но. Враг уничтожен и пленён»²⁵. Предупреждая о вреде, который приносит изображение будущей войны в «облегченном варианте», Новиков-Прибой, тем не менее, следовал за режиссером Е. Дзиганом и писателем П. Павленко. Последний, кстати, признавался в том, что вынужден фальшивить и подстраивать собственное творчество под Сталина: «В литературе, не хочешь, а ври, только не так, как вздумается, а как хозяин велит»²⁶.

Жанр военной утопии в Советском Союзе культивировался с благословения Сталина, чью фигуру и деятельность современники, так или иначе, ассоциировали с Будущим («жестокий таран, пробивающий дверь будущего», «символ, означающий хлеб и будущее» и т.п.). Траектория сталинского воображения была более заземлённой, чем у иных советских лидеров, однако Сталин, не менее других, был озабочен Будущим. Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперёд, а не назад, - поучал советское общество Сталин²⁷. Он скрупулёзно калькулировал подчинённые ему ресурсы и просчитывал дистанцию, которая лежала между ним и целью. Идеология позволяла Сталину сконструировать грядущее, пятилетние планы - конкретизировать его контуры, искусство в духе антиципации - сделать будущее заманчивым. И, безусловно, роль и влияние Сталина на советскую антиципацию были решающими. Редактор «Правды» Л. Мехлис, знавший настроения «хозяина», призывал литераторов, того же Киршона, ответить собственными произведениями на японские романы, в которых описывался разгром русских войск в будущей войне²⁸. По сталинскому совету драматург В. Киршон пишет пьесу о будущей войне («Большой день»). Не возразит Сталин против переориентации Киршоном пьесы с Японии на

²⁵ РГАЛИ. Ф.356. Оп.1. Д.65. Л.64. Отрывки из литературного сценария публиковались в 1939 году в газете «Социалистическое земледелие» и журнале Краснофлотец. Весной 1940 г. сценарий был принят к постановке и под названием «Доверие» включен в тематический план производства художественных кинокартин на 1940-41 г. (экранизация планировалась на Одесской киностудии режиссером М.Билинским). Фильм не состоялся.

²⁶ Эренбург И. *Люди, годы, жизнь*. - М., 1990. - Т.2. - С.340.

²⁷ Сталин И.В. *О диалектическом и историческом материализме*. - М., 1939. - С.10.

²⁸ РГАСПИ. Ф.386. Оп.1. Д.65. Л.50.

Германию, чью национальную характеристику, во избежание дипломатических осложнений, затушеввали, обозначив врагов как фашистов. Видимо, не только благодаря меценатству наркома Г. Ягоды, с которым драматург был дружен, сколько при поддержке Сталина пьеса Киршона вопреки «традиции театральной медлительности» была оперативно поставлена в 68 ведущих театрах страны (по данным самого Киршона, пьеса шла в 100 городах). Только в Москве одна премьера следовала за другой: 6 января 1937 г. «Большой день» был показан зрителю в Центральном театре Красной Армии, 2 февраля – в Большом драматическом театре, 13 апреля – в Театре им. Е. Вахтангова. Газета «Правда», отражавшая нередко мнение высокопоставленных кремлевских зрителей, отмечала, что Киршон «хочет заглянуть вперед, показать тот страшный для наших врагов момент, когда они попытаются напасть на Советский Союз. Тогда, говорит пьеса, наступит Большой день расплаты с поджигателями войны»²⁹. Предположительно, Сталин окажется той инстанцией, которая развеет сомнения литературного надзирателя А. Щербакова, опасавшегося, что по политическим соображениям могут возникнуть трудности с публикацией глав романа П. Павленко «На Востоке» о войне с японцами³⁰. Роман вышел в авторской редакции, включая сцены советской бомбардировки Токио. Как однажды выразился Сталин, произведения о будущей войне должны быть «полезны для нас и поучительны (Курсив мой. – В.Т.) для противника»³¹. Правда, Сталин умел разводить литературные предостережения от реальной политики. В 1937 году, когда советские люди зачитывались главой «На Востоке» об основании города Сен-Катаяма, Сталин отклонит предложение Ма-

²⁹ Правда, 18 февраля 1937. Причастность к написанию пьесы и к успеху спектакля не помешают Сталину отправить Киршона на плаху, а пьесу подвергнуть разгромной критике. Прозаик Л.В.Рубинштейн писал: «Неграмотность в военном деле ведет к созданию бульварно-литературных штампов», которыми охотно пользуются литературные спекулянты типа Киршона (Литературная газета, 10 сентября 1937). Писатель Б.Лавренев презрительно назовет Киршона «рапповским Шакеспееаром» (т.е. Шекспиром) (Лавренев Б. *Драматургия осинового манекена* // Рабочий театр. – №7, 1937. – С.6.).

³⁰ РГАСПИ. Ф.88. Оп.1. Д.455. Л.57.

³¹ Я оказался политическим слепцом. Письма В.М.Киршона И.В.Сталину // Источник. – №1, 2000. – С.80.

шинпорта назвать одно из строящихся японцами судов «Сен-Катаяма»³², чтобы избежать пикировки с островной империей.

На предложение Б. Шумяцкого – руководителя советской киноиндустрии –изготовить два-три художественных фильма «на время военной мобилизации с тематикой мыслимого агрессора Японии, фашистской Германии и Польши», Сталин вместе с Ворошиловым посчитали необходимым «крепко вникнуть в суть этого важного дела, чтобы просмотреть, нельзя ли по этим сценариям дать фильмы даже теперь, а если нельзя, то сделать их и положить в предложенный Вами мобзапас»³³. Общеизвестна привязанность Сталина к фильму «Если завтра война» (1938). Выход фильма на экраны будет предварен доброжелательной рецензией в «Правде»³⁴, которая носила предписывающий характер. Позже картина удостоится Сталинской премии. В годы Великой Отечественной и, по свидетельству адмирала Н.Кузнецова, даже по ее завершению, Сталин любил смотреть фильм «Если завтра война»³⁵. Подобный досуг диктатора был своеобразным сеансом терапии. Постфактум Сталин брал реванш за драматические месяцы 1941-1942 годов³⁶. Несмотря на такую привязанность к фильму Сталин еще до войны интуитивно угадывал заложенную в картине фальшь, однако относился к ней снисходительно. Один из участников совместного со Сталиным просмотра кинокартины «Если завтра война» вспоминал, как Сталин иронично

³² РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.104.

³³ Кремлевский кинотеатр.1928 – 1953: Документы. – М., 2005. – С.1014.

³⁴ Мороз Ал. *Патриотический фильм* // Правда, 8 февраля 1938.

³⁵ Кузнецов Н.Г. *Крутые повороты* // Военно-исторический журнал. – №3, 1993. – С.57.

³⁶ Похожие чувства переживали рядовые современники. Один из них вспоминал, как в ноябре 1941 г. зрителям показывали немой вариант фильма *Если завтра война*: «В коридоре деревянной школы стояла торжественная тишина, не только эвакуированные дети, но и взрослые воспитатели с просветлёнными лицами смотрели на экран. Там была подлинная война, обещанная Сталиным, победоносная и гордая, а не тот необъяснимый кошмар, что звучал в страшных сводках «От Советского Информбюро» с длинным перечнем оставленных городов и сообщением об отходе «на заранее подготовленные позиции» (Герман М. *Политический салон тридцатых. Корни и побеги* // Суrowая драма народа. М.,1989. С.481-482.). Это была своего рода тоска по несостоявшейся «подлинной» войне.

комментировал сюжет Ворошилову: «Не так будет на войне, не так просто...»³⁷. Погрешности жанра не отменяли его сверхзадачу. За военными утопиями Сталин закрепил особые функции – педагогическую и мобилизационную. Как однажды выразился Сталин, танки ничего не будут стоить, если души у них будут гнилыми, поэтому производство душ важнее производства танков³⁸. Военные утопии должны были морально подготовить современников к будущим испытаниям, воспитать в них все необходимые для войны бойцовские качества. Одновременно жанр утопии напоминал современникам о близости войны и необходимости «держать порох сухим». Весной 1938 года в Москву поступит телеграмма от полпреда в Чехословакии Александровского, который сообщал, что в посольство поступают просьбы оказать содействие в получении хроникальных фильмов, показывающих мощь СССР и его Красную Армию: «Мотивируется прямо желанием мобилизовать волю к борьбе и дух чешского народа для отпора наступлению фашизма». Выбор таких фильмов был велик, однако Сталин отдаст предпочтение одному, о чем свидетельствовала его резолюция на телеграмме Александровского: «Послать „Если завтра война”»³⁹. Эту ленту и картину «Глубокий рейд» Александровский отрекомендует как фильмы, сделанные «с намерением поддержать в широких слоях населения идею боеспособности и обороны государства, мужества и самоотверженности в интересах находящейся в опасности родины...»⁴⁰.

Жанр военной утопии отчасти отражал степень компетентности Сталина в военных вопросах и некие сталинские константы 30-х годов, о которых можно судить на примерах романа Гельдерса «Воздушная война 1936 года» и повести Н. Шпанова «Первый удар».

³⁷ Кулаков Н. *Доверено флоту*. – М., 1985. – С.13.

³⁸ Зелинский К. *Вечер у Горького* (26 октября 1932 года) // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып.10. – Paris, 1990. – С.102.

³⁹ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.138.

⁴⁰ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – М., 1978. – Т.3. – С.535.

В 1932 г. в Берлине был напечатан роман некоего майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа»⁴¹. Роман повествовал о будущем вооруженном конфликте между Великобританией и Францией. В течение четырех дней военных действий Франция, деморализованная бомбежками и охваченная пролетарскими восстаниями, потерпела поражение и на пятый день была вынуждена заключить мир на условиях Великобритании. Одним из важнейших ее эпизодов становится нападение английской авиации на Париж. «Немецкий автор майор Гельдерс в своей книге «Война 1936 года» - писал известный советский военачальник Р. Эйдеман - цинично рисует картину гибнущего в первые же дни войны Парижа, картину гибели и деморализации его миллионного населения»⁴². Книга вызвала широкий резонанс в Европе и интенсивно обсуждалась в военных и журналистских кругах. Английский публицист Доротти Вудман считала, что под псевдонимом майора Гельдерса скрывался будущий фельдмаршал Мильх. В действительности автором романа был личный друг Мильха Роберт Кнаус. Он являлся участником Первой мировой войны, в последующем был одним из руководителей Люфтваффе. После прихода нацистов к власти Кнаус через Мильха направил имперскому министру авиации Герингу секретную записку об использовании ВВС Германии в будущей войне (в ней, кстати, среди возможных вариантов применения авиации предусматривался бомбовый удар всего немецкого воздушного флота по Парижу). Записка была благожелательно принята Герингом. Кнаус был призван на военную

⁴¹ Helders, *Luftkrieg 1936. Die Zertrümmerung von Paris*. Berlin, 1932. Жанр военной утопии процветал не только в СССР. За рубежом выходят книги Майльса [Газовая] война 1940 года, Штейнингера Мировой пожар 1950 года, Карла Бартца Война 1960 года, Чарльтона Война над Англией и многие другие. В Советском Союзе будут переведены и опубликованы, иногда в отрывках, книги Фоулер-Райта Война 1938 года (Прелюдия в Праге) и Англо-германская война, майора Рикара Последняя война с фашизмом, Киосукэ Фукунага Записки о будущей японо-американской войне, Г.Байуотера Великая война в Тихом океане, Д.Кида Завещание Уэнтворта.

⁴² Эйдеман Р.П. 18 августа – день авиации // Ко дню авиации. Сборник статей под редакцией С.И.Стоклицкого. – М.,1935. – С.5.

службу, получил чин полковника, а его взгляды на организацию и применение военно-воздушных сил в современной войне были учтены при создании нацистских Люфтваффе. Одно время он являлся начальником военно-воздушной академии в Берлине. Роберт Кнаус примет участие в планировании германских военных операций в годы второй мировой войны, которую завершит в чине генерала авиации.

Роман был замечен и в Советском Союзе и, видимо, благодаря Ворошилову с переводом книги Гельдерса ознакомился Сталин, о чем можно судить по сталинскому письму от 12 июня 1932 г.: «Книжку Эльдерса («Разрушение Парижа») просмотрел. Занимательная книжка. Надо бы обязательно издать ее на русском языке. Она будет культивировать у нас дух хорошего боевизма среди летчиков, она облегчит воспитание дисциплинированных героев летного дела. А это нужно нам теперь, как никогда. Кроме того, книжка содержит ряд поучительных указаний, полезных нашим летчикам. Надо издать ее либо в виде отдельной книжечки, либо в виде фельетонов в «Красной звезде». Обязательно!»⁴³ После такой рекомендации «Разрушение Парижа» из номера в номер печатает центральная военная газета «Красная звезда», а также оборонный журнал «Локаф»⁴⁴. В 1932 г. роман Гельдерса был опубликован в СССР пятитысячным тиражом отдельной книгой⁴⁵ и спустя два года повторно - Государственным военным издательством. В предисловии от издательства к последнему изданию указывалось, что «мысли автора настоящей книги представят значительный интерес не только для наших «воздушников», но и для более широких кругов Красной Армии»⁴⁶. Книгу Гельдерса

⁴³ Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. - М., 1999. - С.175.

⁴⁴ Гельдерс. Воздушная война 1936 г. // Локаф. - № 8, 9, 11, 12, 1932.

⁴⁵ Гельдерс. Воздушная война 1936 г. Сокращенный перевод с нем. - М., 1932.

⁴⁶ Гельдерс. Воздушная война 1936 г. Разрушение Парижа. Предисловие А. Лапчинского. - М., 1934. - С.5. В 1934 году Сталин подарит ко дню рождения своему младшему сыну книгу Гельдерса, снабдив ее краткой надписью: «ВАСЬКЕ Красному от И.СТАЛИНА на память 24/III 34 г. Москва» (Спирин Л.М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. - №5, 1990. - С.98.).

рекомендовали в списке литературы о современной авиации⁴⁷. Один из рецензентов вполне справедливо писал об успехе романа у читателей⁴⁸. По воспоминаниям современника, роман майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года» ходил по рукам и заставлял думать о будущих войнах⁴⁹. По прочтению книги, по признанию комкора Б.Фельдмана, не один десяток лётчиков «из нашей пылкой молодёжи видит себя в воздушном рейде над Варшавой...»⁵⁰

Пока невозможно сказать, оказывал ли Сталин какое-либо влияние на полемику вокруг романа Гельдерса, или же вообще предпочел самоустраниться от нее. Среди многочисленных рецензентов (Я. Жигур, П. Незнамов, Н. Лебедев, Э. Биддер, А. Лапчинский и Д. Бухарцев, А. Головлев и Ф. Огородников и др.) не наблюдалось единодушия. Известный военный теоретик Александр Николаевич Лапчинский⁵¹ в соавторстве с Д. Бухарцевым говорил о вредности «упрощенческих формул воздушной войны и упрощенческих организационных форм, предлагаемых Дуэ и Гельдерсом»⁵². «„Разрушение Парижа“ - писал Лапчинский в предисловии ко второму изданию книги, - это роман «весьма поверхностно характеризующий воздушную войну»⁵³. Другой военный специалист Я. Жигур, оговорив, что книга Гельдерса дает толчок к дальнейшему развитию творческой мысли, осудил авиационные преувеличения «Разрушения Парижа»: «Естественно, что такая концепция войны не имеет ничего общего с той действительностью, которая

⁴⁷ *Ко дню авиации*. Сборник статей под редакцией С.И.Стоклицкого. - М., 1935. - С.79.

⁴⁸ Огородников Ф., Головлев А. *О романе Гельдерса и вариантах Павленко* // Книга и пролетарская революция, - №5, 1935.

⁴⁹ Тимофеев В.А. *Товарищи летчики*. - М., 1960. - С.88.

⁵⁰ Советские архивы. 1991. №1. С.74.

⁵¹ Подробнее о А.Н. Лапчинском см.: Лаппо Д.Д. *Их вдохновлял Ленин*. - М., 1990. - С.142-144.

⁵² Бухарцев Д., Лапчинский А. *Может ли авиация одна решить исход войны* // Книга и оборона. - №2, 1933. - С.13.

⁵³ Предисловие А.Лапчинского к: Гельдерс. *Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа*. 2-е изд. -М., 1934. - С.3.

раскроется перед нами в будущей войне. Глупо думать, что будущая война будет скоротечной, что она может быть решена одной лишь авиацией, без серьезных, решительных и продолжительных действий миллионных механизированных сухопутных армий и морского флота»⁵⁴. Часть рецензентов, не имевших отношения к армии, писала о «трезвом стиле» Гельдерса⁵⁵, о том, что роман не лишен известной поучительности, а выводы А. Лапчинского слишком резки⁵⁶. В наиболее развернутом виде настоящие взгляды были озвучены в «Полемическом варианте» П. Павленко⁵⁷. Называя «Разрушение Парижа» скромным военно-техническим романом, Павленко, тем не менее, называл ее интересной и во многом очень дельной книгой⁵⁸. К идеальной войне немецкого майора Павленко лишь присовокупил восстание европейского пролетариата. Другая часть рецензентов находила роман Гельдерса «произведением лубочно-барабанного стиля»⁵⁹. Например, П. Незнамов писал: «Конечно, расправиться таким родом, как это делает немецкий майор, можно не столько с реальной страной, сколько с ее фанерной копией»⁶⁰. Один из наиболее бескомпромиссных откликов поступил от драматурга В. Вишневского, который оценил вариант войны Гельдерса как насквозь проблематичный и слабый. Выступая против «всех гельдерсовских чепуховин», он возражал против внедрения приемов

⁵⁴ Жигур Я. *Буржуазная пропаганда войны в переводной литературе* // Книга и пролетарская революция, – № 6, 1933. – С.112.

⁵⁵ Лейтес А. *Как они обыгрывают войну*. – М., 1933. – С. 47; *Он же. Литература двух миров*. – М., 1934. – С.68-69.

⁵⁶ Огородников Ф., Головлев А. *О романе Гельдерса и вариантах Павленко* // Книга и пролетарская революция. – №5, 1935.

⁵⁷ Павленко П. *Воздушная война 1936 года. Полемический вариант* // Знамя. – №5, 1933. В качестве своего рода послесловия *Полемический вариант* был включен также во второе издание книги Гельдерса (1934).

⁵⁸ Павленко П. *Воздушная война 1936 года. Полемический вариант* // Знамя. – №5, 1933. – С.109.

⁵⁹ Незнамов П.В. *Молниеносный майор* // Литературная газета. 20 марта 1935.

⁶⁰ Незнамов П.В. *Молниеносный майор* // Литературная газета. 20 марта 1935.

Гельдерса через советскую литературу⁶¹. Не ведая того, Вишневский задел своей критикой и противопоставил себя самому Сталину – популяризатору книги Гельдерса. Через несколько лет повесть Н. Шпанова «Первый удар» сделает Сталина и Вишневского единомышленниками. Именно Вишневский, обещавший «оценивать врага умнее», к сожалению, снизойдет в 1939 году до сталинского уровня понимания военных проблем.

В предновогоднем номере «Литературной газеты» за 1938 г. были помещены литературные мечтания писателей и пожелания читательской аудитории. Например, авиатору Б.Пивенштейну хотелось прочесть что-либо о воздушной войне будущего⁶². Именно в те дни редакция журнала «Знамя» готовила к печати повесть Николая Шпанова «Первый удар», которой предстояло стать апогеем военной антиципации, воплощением её канонических принципов.

Автор повести, Шпанов Николай Николаевич, был уроженцем Приморского края⁶³. В империалистическую войну Шпанов окончил офицерскую воздухоплавательную школу и продолжил службу в воздухоплавательных и авиационных частях действующей армии. С 1918 по 1922 гг. находился в рядах Красной Армии, в которую вступил добровольцем. С

⁶¹ Вишневский В. *Майор Гельдерс и доверчивые советские издательства* // Литературная газета. 11 января 1933. В 1938 книга Гельдерса еще раз напомнила о себе. Газета «На страже» опубликовала статью Л.Рошала, в которой среди прочего отмечалось: «То, что Гельдерс фантазировал несколько лет назад, то Геринг реализовал в воздухе Испании, начиная с первых дней фашистского мятежа» (На страже. 20 октября 1938). Последовало мгновенное возражение «Красной звезды»: «Никаких фантазий Гельдерса «в воздухе Испании» Герингу реализовать не удалось. Гельдерс, как известно, хотел бы с помощью бомбардировщиков решить исход войны. Разумеется, этого же хотел бы и Геринг. В Испании бомбардировочная авиация фашистских интервентов появляется лишь там, где нет республиканских истребителей. Она терпит жестокие поражения. Какая же, спрашивается, это «реализация» фантазий Гельдерса? Зачем понадобилось редакции «На страже» вводить читателей в заблуждение?» (Красная звезда. 20 октября 1938).

⁶² Литературная газета. 31 декабря 1938.

⁶³ Наиболее полная биографическая справка о Николае Шпанове принадлежит М.П.Лепехину (*Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь*. – М., 1998. – Т.2. – С.615-616.).

1922 по 1938 гг. занимал должности заместителя ответственного редактора журналов «Вестник воздушного флота», «Самолет» и «Техника воздушного флота». С 1925 г. регулярно печатался в изданиях Добролета и Осовиахима по вопросам развития авиации. Перу Шпанова принадлежали учебник для авиационных училищ «Основы воздушных сообщений» (1930), а также написанная им совместно с М.А.Дзиганом работа «Советские авиационные моторы» (1931). С 1920-х гг. Шпанов являлся корреспондентом газеты «Известия». В 1928 г. в качестве журналиста «Известий» он участвовал в экспедиции по спасению экипажа итальянского дирижабля «Италия» (находился на ледоколе «Красин»). Авиационная тема уживается в творчестве Шпанова с арктической. Шпанов пишет первую фантастическую повесть «Лед и фраки» (1932) об экспедиции к Северному полюсу.

По признанию Шпанова, несколько раз он пробовал писать сценарии, но, будучи всякий раз приняты, они не доходили до постановки⁶⁴. Наконец киностудия «Мостехфильм» приняла к производству сценарий Н. Шпанова, посвященный будущей войне. Только накануне в прокате появилась первая «ласточка» оборонного цикла второй половины 30-х гг., снятая в духе антиципации - фильм «Родина зовет» (Мосфильм, 1936) о разгроме фашистского воздушного флота. Один из рецензентов «Родины зовет» обнадеживал зрителя: «Фильм послужит толчком к дальнейшей творческой работе над созданием крупных произведений на тему о великой любви советского народа к своей родине»⁶⁵. Следом, в феврале 1938 г. на экраны страны вышел художественный фильм «Глубокий рейд», поставленный режиссером П. Малаховым по сценарию Шпанова. Это был своеобразный кинематографический «черновик» будущей повести «Первый удар» (правда, еще до премьеры фильма газета «Комсомольская правда» в 1936 г. опубликовала отрывки из повести Шпанова «Двенадцать

⁶⁴ ОР РГБ. Ф.198, 15.31. Л.2.

⁶⁵ Ерухимович И. *Родина зовет!* // Правда. 12 мая 1936.

часов войны»⁶⁶). Фильм рассказывал о том, как в ответ на вражеское нападение три советских эскадрильи подвергали разрушительной бомбардировке столицу и военно-промышленные центры противника, включая город Форт. Советские самолеты преодолевают линии заградительных аэростатов и бомбардируют засекреченные подземные ангары противника. Командир одного из самолетов, израсходовав боеприпасы, приказывает экипажу выбраться на парашютах, а сам направляет машину в пролёт последнего уцелевшего ангара. Советские сухопутные силы, используя успех авиации, прорывают фронт и наносят поражение вражеской армии. Газета «Правда» откликнулась весьма приветливой рецензией. Отмечалась правдивость «Глубокого рейда», правильное представление, которое она дает о роли и значении воздушных сил в современной войне. Несмотря на некоторые недочеты (например, показ противника «подчас слабым и чрезмерно растерянным»), рекомендовалось как можно скорее размножить картину массовым тиражом и выпустить на широкий экран⁶⁷. В другой рецензии, опубликованной в газете «Кино», говорилось, что жизненно правдивый фильм повествует о событиях будущей войны «почти языком устава»⁶⁸. Заместитель политрука артиллерийской части, депутат Верховного Совета РСФСР А. Попов отмечал, что фильм «Глубокий рейд» пользуется у бойцов и командиров Красной Армии большим успехом⁶⁹.

Радужный прием «Глубокого рейда» подвиг Шпанова опубликовать полный вариант повести «Двенадцать часов войны», послуживший основой киносценарию. Сюжетно повесть повторяла все основные перипетии фильма. Некий условный, однако, узнаваемый как нацистская Германия противник, нападает на Советский Союз. Разумеется, «сталинские

⁶⁶ Шпанов Н. *Гибель Сафара* // Комсомольская правда. 18 августа 1936; *Он же. Поединок* // Комсомольская правда. 5 ноября 1936.

⁶⁷ Головин З. *Глубокий рейд* // Правда. 4 февраля 1938.

⁶⁸ Волгин Б. *Патриотический фильм* // Кино. 5 февраля 1938.

⁶⁹ Кино. 5 августа 1938.

соколы», и средства противовоздушной обороны отбивают вражеский налет. Военные действия навсегда переносятся в воздушное пространство противника. Советский воздушный флот наносит сокрушающий ответный удар по вражеским аэродромам и промышленным центрам. Первые двенадцать часов войны делают неизбежным поражение государства-агрессора. Из фильма в повесть переносятся название вражеского города Форт, бомбардируемого советской авиацией, сцены уничтожения неприятельского дирижабля и наземный таран, которым Шпанов закрывал тему смерти советских людей. В таком виде рукопись повести была предложена нескольким издательствам, и каждый раз неудачно. Издательство «Советский писатель» готовило «Двенадцать часов войны» к публикации, однако повесть была отклонена Главлитом как «беспомощная в художественном отношении»⁷⁰. Тогда же, видимо, в «Советском писателе» типографский набор повести был рассыпан⁷¹. Рукопись была категорически отвергнута Воениздатом, и ее вернули Шпанову уже после того, как повесть была опубликована в журнале «Знамя»⁷². Всего, по подсчетам Шпанова, повесть подвергалась четырнадцатикратному запрещению⁷³.

В судьбу рукописи вмешался В. Вишневский, в недавнем прошлом один из самых сердитых критиков авиационного триллера Гельдерса. Как ни парадоксально, именно Вишневский, понимавший, по словам И. Кремлева-Свен, лживость концепции Шпанова⁷⁴, приложил максимум старания, чтобы опубликовать эту повесть, а потом яростно защищать ее, как выразился мемуарист Е. Долматовский, от «нападок всяких

⁷⁰ Наджафов Д.Г. *Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства* // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М., 1999. – С.141.

⁷¹ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.105.

⁷² РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.106.

⁷³ ОР РГБ. Ф.198, 15.31. Л.2.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.114.

злыдней»⁷⁵. Автор пьесы о будущей войне «Последний решительный» (более известный, правда, по классической пьесе «Оптимистическая трагедия»), Вишневский, прежде всего, жил предчувствием столкновения с капиталистическим миром. Вполне заслуженно современники называли Вишневского философом войны, обладавшим удивительной способностью предвидения. Иногда он торопил события и ошибался в сроках. Однако, ему удавалось предугадать масштаб и интенсивность будущего противоборства. За несколько лет до сентябрьской развязки 1939 г. он предрекал колоссальную, напряженную мировую войну, в ходе которой Польша будет разгромлена «в пыль», а ряд европейских городов уничтожены. Победа над нацизмом, предполагал Вишневский, будет оплачена гибелью 30-50 миллионов человек. В случае со Шпановым он руководствовался ощущением ответственности переживаемого международного момента («Тема взята нужнейшая. «Красная звезда» не случайно дала на днях спец[иальную] передовую о характере буд[ущей] войны...»⁷⁶) и необходимости постоянного разговора с современниками о предстоящих испытаниях. «Понятно, что ряд военных т[оварищей] может придаться к многим местам романа: и к обстановке, и к деталям и пр. и пр. – писал Вишневский. – Но писатель обязан смело идти вперед, – помня, что кроме военных товарищей есть еще массовый читатель, которому надо давать полезное чтение о буд[ущей] войне». Актуальность темы, тем не менее, не объясняет в полной мере позицию Вишневского. Следует признать, что ему также не удалось предохраниться от «конфетной» идеологии.

В ноябре 1938 г. Вишневский ознакомился с рукописью «Двенадцати часов войны» и выговорил автору за явное следование по стопам «фантастико-прогностических романов» Гельдерса, Фуллер-Райта и прочих. Во-вторых, Вишневскому

⁷⁵ Долматовский Е.А. *Было. Записки поэта*. – М., 1982. – С.67.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф.618. Оп.3. Д.7. Л.4. Имеется в виду передовая антифашистская статья *Красная Армия будет бить врага на его территории*, статья весьма прямолинейная и воинственная по духу (Красная звезда. 17 ноября 1938).

претили условность рукописи и бутафорские географические названия Франкония (Франция), Словения (Чехословакия), Альбиония (Англия), Кировоград вместо Ленинграда. Излишними показались прозрачные намёки о противнике («имперцы»): «Пусть читатель будет по серьёзному в курсе. Пусть задание будет описано точно: бомбёжка Берлина, Рурского района. Взять из справочников, из энциклопедий точные данные 1938 г. о Берлине и Руре. Это обострит, обогатит роман. Все же эти «Пуллени», «Форты», игрушечные названия только раздражают»⁷⁷. Дипломатическая корректность по отношению к Германии (и Польше) показалась Вишневскому не обязательной после того, как газета «Красная звезда» впервые с 1933 года поместила на своих страницах очерк-фантазию лейтенанта В. Агуреева о налете советской авиации на Варшаву и Берлин⁷⁸. После такого официального демарша, считал Вишневский, можно было без всяких опасений дешифровать противника в художественном тексте (в результате Шпанов развернул воздушные баталии над Польшей и Германией). Соответственно Вишневский потребовал придать сюжету большую международную и военно-стратегическую достоверность, реализм и конкретность. В третьих, Вишневского возмутил рукописный образ врага: «...немцы даны плакатно, плохо. Вспоминаешь плохую пьесу «Большой день» и т.п.». Авиацией противника командовал старичок - кавалерист, имели место обмороки, все вражеские мероприятия имели катастрофические для «обалделого и смятенного» врага последствия. «Вообще у автора немцам даны только поражения. – выговаривал он. – Это делает честь патриотическим] чувствам автора, но литературно кренил вещь, получается перегиб в нарочность. На войне бывают всякие положения, временные неудачи, неудачи, победы». К врагу необходимо было отнестись серьезнее. Тем не менее, не обошлось без «конфетных» рекомендаций и комплиментов. Похвалу заслужила картина восстания немецкого пролетариата. Более того, Вишневский потребовал, чтобы Шпанов уточнил, каким образом

⁷⁷ РГАЛИ. Ф.618. Оп.3. Д.7. Л.4, 5.

⁷⁸ Агуреев В. *Если завтра война* // Красная звезда. 17 ноября 1939.

антифашисты могут посодействовать советским самолетам в прицельном бомбометании (явно сказывалось влияние очерка-фантазии из «Красной звезды»). В духе пролетарского альтруизма Вишневский поучал Шпанова: «...надо быть аккуратнее с описанием гибели людей. Продумать как разграничить: где пролет[арские] р[айо]ны и где прочие? Я бы дал разгром военных казарм, казарм СС и СА, которые здесь в большом количестве: для охраны заводов и пр. А затем показал бы мятеж в концлагерях. Только так все и надо строить. Ибо показ общей гибели под бомбежками читать тяжело... Это не пойдет... - А выделение неких буржуа неправдоподобно. В городах смешаны сотни тысяч людей. - Надо поэтому подчеркнуть именно расчет сов[етской] авиации: громить казармы, фашистские силы. Оговорить это в тексте, показывая поразит[ельную] точность бомбежки». В конце концов, воображаемая война, видимо, раззадорила и самого Вишневского, который был увлекающимся человеком: «Дать сведения: о мгновенном наступлении Кр[асной] Армии. Наши армии при первом провок[ационном] ударе врага рушат укр[епленные] р[айо]ны Польш[и]. Смелее, шире!» Общее мнение Вишневского было благоприятным для Шпанова: рукопись необходимо «срочно чистить, править», профильтровать ее через писателей - оборонщиков А.Исбаха и С.Вашинцева, и с учетом замечаний «т. Болтина» направить в печать⁷⁹

Отзыв «т. Болтина» интересен именно тем, что принадлежит военному специалисту. Майор Евгений Арсеньевич Болтин – «человек, как говорили «светский», сдержанный, в пенсне, слегка грассирующий»⁸⁰ - был незаменимым консуль-

⁷⁹ РГАЛИ. Ф.618. Оп.3. Д.7. Л.4-8.

⁸⁰ Кривицкий А.Ю. *Собрание сочинений*. – М., 1984. – Т.1. – С.319. В звании полковника Е.Болтину непродолжительное время придется возглавлять редакцию газеты «Красная звезда». В годы Великой Отечественной он будет причастен к составлению сводок Совинформбюро. Насыщенная военная карьера Болтина будет увенчана званием генерал-майора. В 1960-е гг. он возглавит отдел военной истории в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Будет причастен к подготовке многочисленных капитальных научных работ, включая шеститомный труд *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945*. Благодаря усилиям Болтина до советского читателя дойдет одна из лучших зарубежных книг о Великой Отечественной – *Россия в войне 1941-1945* Александра Верта.

тантом в литературных и издательских кругах. Образованный, начитанный, он также равнодушно относился к попыткам заглянуть в ближайшее будущее. После рецензирования рукописи Шпанова, например, ему придется уже в чине полковника вместе с академиками О.Шмидтом, В.Образцовым и другими учеными и инженерами участвовать в подготовке необычного номера журнала «Техника-молодежи», посвященного тому, как СССР будет выглядеть в 1942 г.⁸¹ Майор Болтин принадлежал к тому слою военной интеллигенции, которая решала сугубо пропагандистские и просветительские задачи.

В целом Болтин весьма скептически оценит рукопись Шпанова «Двенадцать часов войны»:

«Какова концепция автора и из каких источников питается он? По существу, хочет автор этого или нет – он находится под несомненным влиянием идей Дуэ. Если заменить последние фразы т. Шпанова («Береги людей. Война только начинается...») заключительной фразой Дуэ – «С этого момента история войн 19... г. не представляет более никакого интереса» (Дуэ – «Господство в воздухе», стр.356), да выкинуть «декорацию», о которой я говорил выше – получится та же схема Дуэ и ярко вылезет идея решения войны одной авиацией. В изображении самого хода воздушной операции поразительно много сходства с фабулой романа Гельдерса «Воздушная война 1936 г.» СБД⁸² автора – не что иное, как самолеты «Г» майора Гельдерса, только в обновленном издании.

Автор очевидно недооценивает силу современной ПВО и, в частности, истребительной авиации. Утомительная дискуссия на эту тему в самом начале книги не выясняет четко мнение автора; но оно ясно из факта полной неудачи обороны «имперцев».

Переоценка возможностей и силы нападающей авиации и недооценка средств сопротивления ей – это опять сближает автора с Дуэ, Гельдерсом, Акселем и рядом других неудачных буржуазных «пророков» будущей войны. Правда, автору помогает революция – она разрешает проблему войны быстро и радикально. Но рассчитывать на революцию в течение

⁸¹ Техника-молодежи. – №3, 1939.

⁸² Наименование вымышленного советского бомбардировщика.

первых двенадцати часов войны – это значит недооценивать действительных сил врага.

Подобная недооценка сквозит в ряде положений автора (С. 76, 89, 92, 112, 165 и др.). Враг у автора недостаточно умен: он действует растопыренными пальцами, наносит первый удар не подготовившись к дальнейшим событиям и т.д.

Картины наземных боев схематичны, наивны и неубедительны.

Технические идеи автора несомненно имеют интерес. Но не все в них ново и оригинально. Сплошь и рядом за новое выдается то, что давно уже кем то изобретено или даже осуществлено. Таков, например, «огневой еж» бомбардировщиков (С. 123), снаряды с «сетками» и т.п. В то же время подробное описание технических деталей утомительно,отяжеляет изложение, затягивает действие.

В романе, несомненно, немало интересных моментов и довольно удачных сцен (гибель Сафара и др.). Но в целом он производит впечатление растянутого, излишне нагруженного техническими отступлениями произведения. Люди недостаточно живы, однообразны, - сплошь герои на нашей стороне и полуидиоты – на стороне противника. Такой схематизм ничего, кроме вреда, принести не сможет.

В целом я считаю, что в настоящем виде роман действительно не может быть напечатан и цензура была права, не пропустив его. Но путем дальнейшей работы, быть может, удастся сделать книгу приемлемой»⁸³.

⁸³ РГАЛИ. Ф.618. Оп.3. Д.7. Л.1-3. Другая экспертная оценка могла бы принадлежать известному военному теоретику А.Н.Лапчинскому, чей труд *Воздушная армия* (1939) был посмертно опубликован почти одновременно с повестью Шпанова. Относительно картины завоевания советской авиацией господства в воздухе в течение двенадцати часов Лапчинский мог сказать: «Такое господство в воздухе можно было бы завоевать только применив все три вида поражения противника, т.е. уничтожив самолеты противника в воздушных боях на фронте, разгромив его полевые аэродромы и тыловые базы, уничтожив его центры обучения и производства. Можно ли этого достигнуть? Теоретически все возможно. Практически же мы упираемся в нужные для этого средства. Во всяком случае, необходимо признать, что *время такой воздушной войны длительно, что такая война двухсторонняя...*» (*Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.)*. – М., 1965. – С.642-643.).

Рукопись подверглась переработке и усилиями Вишневского была срочно подписана к печати в январский номер журнала «Знамя» (1939) под названием «Первый удар»⁸⁴. Повесть вызвала первоначальную сдержанную реакцию прессы. Казалось бы, оправдывались скептические предсказания руководителей Союза советских писателей и редколлегии «Литературной газеты» о незавидной судьбе повести. «Красная звезда» поместила отзыв А. Кривинова (возможно, псевдоним известного журналиста А. Кривицкого⁸⁵), отражавший позицию центральной военной газеты. Органический порок повести, писал Кривинов, «заключается как раз в том, что в компоновке материала, удельном весе его составных частей, даже в общем развитии сюжета автор покорно следует образцам западной литературы на эту тему». Персонажи повести, по мнению Кривинова, были «безжизненны и схематичны». Именно авторская манера изображения человеческих характеров и роли человеческого фактора в будущей войне вызвали несколько натянутые нарекания рецензента. Объектом критики были избраны художественные недостатки повести, а не концепция войны. Ни словом Кривинов не возразил против картины двенадцатичасового триумфа советской авиации и разгрома Германии⁸⁶. Журналист И. Горелик в своей рецензии, помещенной в «Литературной газете», бесстрастно перечислил следующие недостатки повести: пассивность противника («Мы знаем врага – он труслив, но нагл, коварен и хитер. В повести Шпанова все немецкие генералы похожи друг на друга, как близнецы. И одинаково неумны»), беглое развитие сюжета и отступление от советской военной доктрины («То, что Шпанов ограничил себя местом и временем, пошло во вред

⁸⁴ Шпанов Н. *Первый удар* // Знамя. – №1, 1939.

⁸⁵ Журналист Александр Кривицкий – по прозвищу «рыжий Кривицкий» – пришел в военную «Красную звезду» из московских газет. Коллегам он запомнился как «безжалостный конквистадор печати», умный и способный журналист с жилкой циника (Лерт Р.Б. *На том стою*. – М., 1991. – С.281-282.).

⁸⁶ Кривинов А. *Такой ли должна быть повесть о будущей войне. Н.Шпанов. «Первый удар»*. Журнал Знамя №1. 1939 г. // Красная звезда. 21 апреля 1939.

его замыслу. Ведь авиация вообще, а советская в особенности, сильна своей взаимосвязью с остальными родами оружия. В Первом ударе она действует почти изолированно»). Правда, общий вывод Горелика был благожелательным: «Первый удар» будет прочитан с интересом, а многие недочеты будут прощены автору, попытавшемуся нарисовать грядущую войну⁸⁷.

Ситуация вдруг изменилась. Из Главного политического управления Красной Армии затребовали номера «Знамени». Еще через день из Воениздата позвонили Шпанову и сообщили, что собираются выпустить «Первый удар». Начальник Воениздата отклонил предложение Шпанова переделать в повести недопустимые ошибки: «Мы пускаем ее в набор в том виде, в каком ее опубликовало „Знамя“»⁸⁸. Как отмечает И. Кремлев-Свен, сдача повести в производство и подписание ее к печати произошло в один день: «С такой сногсшибательной быстротой у нас издавались только книги самого Сталина»⁸⁹. Всего выйдет пять изданий «Первого удара» (одно из них, наиболее престижное, выйдет с предисловием Героя Советского Союза полковника М. Водопьянова). Без учета январской книжки «Знамени» повесть Шпанова напечатают «Гослитиздат» (Роман-газета) – 275000 экз., «Детиздат» – 25000 экз., «Советский писатель» – 10000 экз. Двумя изданиями отметится «Воениздат» (тиражи не указывались). В течение нескольких месяцев 1939 г. повесть «Первый удар», если довериться данным К. Симонова, будет напечатана небывалым для того времени пятисоттысячным тиражом⁹⁰.

Пока типографии снабжали торговую сеть и библиотеки книгой Шпанова, в прессе началась скоординированная хвалебная кампания. Одним майским днем газеты «Правда» и «Красная звезда» откликнулись рецензиями полкового комис-

⁸⁷ Горелик И. *Первый удар* // Литературная газета. 20 февраля 1939.

⁸⁸ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.106.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.111.

⁹⁰ Симонов К.М. *Письма о войне 1943-1979*. – М., 1990. – С.527.

сара М. Миронова и батальонного комиссара А. Амелина. Для редакции армейской газеты это была своеобразная «явка с повинной». Спустя месяц ей приходилось дезавуировать статью А. Кривинова. Батальонный комиссар Амелин, входивший в ближайшее служебное окружение заместителя наркома обороны Л. Мехлиса, писал, что Кривинов не сумел по достоинству оценить эту книгу и совершенно необоснованно дал о ней отрицательный отзыв. По словам Амелина, лишь некоторые командиры высказались против «Первого удара», но в целом повесть была признана замечательной: «Повесть „Первый удар“ – глубоко патриотическое и продуманное произведение, которое будет пользоваться у читателей большим и заслуженным успехом». Механически пересказывая сюжет повести, Амелин оптимистично добавил: «Действительность превзойдет фантазию этой повести»⁹¹. Не поскупился на добрые слова и полковой комиссар Миронов. «Повесть тов. Шпанова – фантастика, – отмечал М. Миронов, – но она очень реалистична, правдоподобна. В повести нет надуманности. Фантастика богата обобщениями современной действительности. Идет ли речь о людях, о технике или о политике – всюду чувствуешь, что они взяты из живых наблюдений нашего времени, основаны на серьезных знаниях и анализе предмета». В заслугу Шпанова ставилось отсутствие ходульных схем и

⁹¹ Амелин А. *Замечательная повесть о будущей войне. Ник.Шпанов. «Первый удар»*. Воениздат. 1939 // Красная звезда. 21 мая 1939. Военный журналист Н.Денисов, который познакомился с А.Б. Амелиным накануне Великой Отечественной, назвал Амелина признанным мастером оперативного репортажа: «Он быстро находил общий язык со всеми, кто оказывался рядом, обильно заполнял блокнот фактами, именами, цифрами. [...] Но вместе с тем из этого обилия вдруг проявлялся именно тот факт, которым следовало подкреплять свои журналистские рассуждения» (Денисов Н.Н. *Срочно в номер*. – М., 1978. – С.34,35.). Наиболее трудные дни Великой Отечественной войны А.Амелин пройдет в качестве порученца Л.Мехлиса, которым, несомненно, была в 1939 г. инициирована повторная статья в «Красной звезде» о *Первом ударе*. В 1970-е годы, когда Амелин работал в Заочной высшей школе при ЦК КПСС, ему придется непосредственно сотрудничать на научном поприще с Е.Болтиным, который в отличие от Амелина не был так благосклонен к повести Шпанова.

шапкозакидательных баталий⁹². Наиболее принципиальная и, можно сказать, директивная рецензия «Книга о будущей войне» за подписью В. Вишневского появилась в главном теоретическом журнале «Большевик». Сверхзадача ее заключалась в том, чтобы окончательно развеять скептическое отношение к «Первому удару». Повесть была названа литературным явлением. «Первый удар» противопоставлялся Вишневским сочинениям зарубежных военных теоретиков и беллетристов, включая Гельдерса, под пером которых будущая война приобрела «искаженные очертания» и мрачный колорит: «Советская литература – молодая, здоровая, рожденная в борьбе за умное и светлое, рационально организованное, коммунистическое общество – противопоставляет всем этим мрачным, убойным, пессимистическим произведениям свои идеи, свои образы, своих новых героев». Николай Шпанов удостоился лестной характеристики писателя компетентного в сложных перипетиях современной войны. Сентенции о серьезном и опытном противнике в лице фашистской Германии уживались у Вишневского с восторженными оценками «конфеточных» сценщающей советской бомбардировки вражеских городов и «будущих актов пролетарских демократических братаний»⁹³. Можно сказать, что последующие рецензии, появившиеся в центральной и провинциальной прессе, армейской периодике и многотиражках, не во многом разошлись с оценками «Правды», «Большевика» и майского номера «Красной звезды».

⁹² Миронов М. *Повесть о сталинских соколах* // Правда. 21 мая 1939. Полковой комиссар М.А.Миронов служил в Красной Армии с 1919 года, прошел путь от инструктора политотдела дивизии до начальника кафедры истории партии в Военно-политической академии имени В.И.Ленина. Люди, знавшие Миронова, отмечали его полемический талант, умение спорить с любым оппонентом, умение говорить образно, избегая казенных фраз (Пупышев Н.В. *В памяти и в сердце*. М., 1986. С.194.). В годы Великой Отечественной Миронов войдет в число наиболее ответственных работников Главного политического управления РККА. После войны в звании генерал-майора он будет начальником управления пропаганды и агитации Главпура Советской Армии.

⁹³ Вишневский В. *Книга о будущей войне* // Большевик. – №11-12, 1939. – С.119, 122, 123.

Журнал «Молодая гвардия», например, утверждал: «Повесть читается с интересом. Спокойный, мужественный тон, отсутствие крикливости и стилистических фейерверков придают повести убедительный характер, внушают доверие читателю»⁹⁴. Полковой комиссар М. Скурихин в «Известиях» писал: «Отрадным событием последнего времени является смелая повесть Н. Шпанова „Первый удар“. Фантазия о будущей войне превращена писателем в правдоподобное повествование, тем более интересное, что автор показывает в нем серьезное, вдумчивое изучение действительности, умение дать героические образы советских патриотов, знание материала, военную грамотность. Жанр смелой реалистической военной фантастики должен в дальнейшем получить более широкое распространение. Дело не только в достойном ответе советского писателя на бредни фашистских буржуазных писак о будущей войне. Дело также в эмоциональной и идейно-художественной силе литературы, призванной помогать большевистской партии воспитывать сознательных строителей коммунизма, решительных бойцов для будущих боев с злейшими врагами социалистической родины»⁹⁵.

Совершенно неожиданно для самого Шпанова повесть имела немалый успех. Непредсказуемым образом меняется также уклад жизни писателя. Внезапно Шпанов был вызван к начальнику Главпура Красной Армии Л. Мехлису и по оказанному приёму он понял, что в его литературной судьбе произошел крутой перелом. Шпанов оставляет редакционную деятельность. В июне 1939 г. его видят в окружении командующего Северокавказским военным округом, где проходили маневры. В августе писателя с почестями командируют в районе боёв на реке Халхин-Гол, чтобы он непосредственно ознакомился с современной войной. На Халхин-Голе Шпанов был приписан к газете «Сталинский сокол» (отчет писателя о пребывании на

⁹⁴ Молодая гвардия. – №5, 1939. – С.191.

⁹⁵ Скурихин М. Оборона и художественная литература // Известия. 24 августа 1939.

Халхин-Голе хранится в Российском государственном военном архиве). Из Монголии Шпанов выезжает в восточные воеводства Польши, где наблюдает процедуру советизации Западной Украины, и откуда пишет корреспонденции для «Красной звезды». По возвращению в Москву, 11 октября 1939 г. на заседании президиума Союза советских писателей Шпанова принимают в члены союза⁹⁶.

Как выразился Вишневский, Шпоновым было написано произведение о будущей войне, которое «быстро заслужило общественное признание»⁹⁷. Дирижирование критикой, многочисленные переиздания и более чем солидный тираж книг, вышеупомянутые биографические факты 39-го года свидетельствуют о высокопоставленной опеке и особом расположении к творчеству писателя. Повесть Шпанова была, как заметил К. Симонов, твёрдой рукой поддержана сверху⁹⁸. Первым из исследователей историк Л.М. Спирин, получивший доступ к сталинским фондам тогдашнего ЦПА ИМЛ, установил, что Сталин читал «Первый удар» (в библиотеке Сталина числилось первое издание «Воениздата», подписанное к

⁹⁶ «Литературная газета», 15 октября 1939. В дальнейшем Николай Шпанов успеет отметиться новыми киносценариями, пьесами, фантастическими произведениями и, прежде всего, громоздкими политическими романами-эпопеями *Поджигатели* и *Заговорщики*, которые были изданы вскоре по завершению Второй мировой войны. Последние два романа, дожидаящиеся пока своих исследователей, вопреки официальной опеке были встречены другими писателями не без скепсиса, если не с издевкой. В литературных кругах циркулировала злая эпиграмма: «Писатель Николай Шпанов // Трофейных обожал штанов. // И толстых он писал романов // Для наполнения карманов». В Доме литераторов, где происходило обсуждение романов, писатель Александра Бруштейн скажет о романах Шпанова: «Я родилась в Литве, в Вильно, и там прошли мои юные годы. И вот мне запомнился один анекдот, который тогда бытовал в Литве. Идет по дороге ксендз и видит, что крестьянские дети лепят из навоза здание костела. Он умилился: «Какие вы хорошие, набожные ребятишки!.. Какой у вас красивый костел!.. И купол есть, и колокольня... Скажите, а в вашем костеле ксендз будет?» А дети ему отвечают: «Если г... хватит, будет и ксендз». Так вот я хочу сказать, - закончила Бруштейн, - в романах *Заговорщики* и *Поджигатели* г... хватило на все!» Как следствие, Шпанов запомнится писателям как литературная «милозга», обласканная в 1949 г. Сталинской премией.

⁹⁷ Вишневский В. *Книга о будущей войне* // *Большевик*. – №11-12, 1939. – С.120.

⁹⁸ Симонов К.М. *Глазами человека моего поколения*. – М., 1990. – С.291.

печати 15 мая 1939 г.)⁹⁹. Можно предположить, что прежде Сталин все-таки ознакомился с повестью в ее журнальном издании («Знамя»), после чего назначил для нее режим благоприятствования. В отдельном издании «Первого удара», которое сейчас хранится в фондах РГАСПИ, Сталин оставил заметки карандашом. Его внимание привлекли авторские рассуждения о том, что советские авиаторы добились превосходства над противником в скорости благодаря тому, что смогли уменьшить вес самолетов за счет применения сверхлегких сплавов и установки паротурбинных двигателей (быть может, технические проекты Шпанова заставили диктатора задуматься, ибо не вполне совпадали с ожиданиями Сталина в области авиастроения: «...во время войны все страны будут пользоваться деревянными самолетами – металла ни у кого не хватит» - говорил Сталин в одной из дипломатических бесед в 1938 г.¹⁰⁰). Встретив упоминание о предполагаемых скоростных данных советских самолётов в будущем в 1000-1200 км в час, Сталин не поленился перепроверить цифры. На форзаце книги он произвел несложные вычисления, связанные со скоростью звука (333 метра в секунду, согласно Шпанову):

«333	19 килом.	20 килом в мин
<u>60</u>		<u>60</u>
19.980		1200 килом в час» ¹⁰¹

Краткосрочный триумф «Первого удара» в принципе высвечивает сталинское отношение к повести. Дополнительное свидетельство сохранилось в неопубликованном фрагменте мемуаров И. Кремлева-Свен «В литературном строю»:

«Не берусь настаивать на том, что „Первый удар“ был прочитан Сталиным, хотя автору его не раз доверительно сообщали об этом. Николай Николаевич как-то рассказывал мне,

⁹⁹ Спирин Л.М. *Сталин и война* // Вопросы истории КПСС. – №5, 1990. – С.99.

¹⁰⁰ *Советско-китайские отношения. Материалы и документы*. – М., 2000. – Т.4. – Кн.1. – С.249.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф.558. Оп.3. Д.372. (Шпанов Н. *Первый удар*. – М., 1939.).

как перед войной, приехав по какому-то литературному делу к одному занимавшему высокий пост генералу, был приятно поражен его рассказом.

По словам генерала, Сталин, у которого он был на приеме, достал из шкафа „Первый удар” и, спросив, читал ли повесть его собеседник, сказал: „Надо, чтобы эту книгу прочитал каждый наш военачальник!”»¹⁰²

После такой авторитетной рекомендации не кажется маловероятным, что «Первый удар» Шпанова, как указывает Ю.Горьков, изучался в военных учебных заведениях страны как чуть ли не пособие по стратегическому планированию военных действий¹⁰³. Иными словами, будучи единомышленником Шпанова советский диктатор лично способствовал насаждению «конфетной» идеологии среди командного состава.

Подписание в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа деактуализировало антифашистский потенциал «Первого удара». На 30 сентября 1939 г. Всесоюзный радиокомитет планировал дать в эфир радиокomпозицию по повести Н. Шпанова «Первый удар». Разумеется, в связи с демонтажем антифашистской пропаганды, трансляция не состоялась. Остатки тиража книги «Первый удар» будут изъяты из торговой сети. Тем не менее, даже после подписания советско-германского пакта о ненападении и накануне заключения договора о дружбе с Германией журнал «Большевик» еще раз возьмет под защиту повесть Шпанова. Среди прочего журнал отмечал, что под флагом борьбы с «кузьма-крючковщиной» огульно охаивались и браковались такие «глубоко патриотические произведения, как „Первый удар” Шпанова»¹⁰⁴. По сведениям И. Кремлева-Свен, за месяц до германского нападения на СССР Всесоюзный радиокомитет вновь обратится к Шпанову с предложением написать на основе «Первого удара» сценарий

¹⁰² РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.106-107.

¹⁰³ Горьков Ю.А. *Кремль. Ставка. Генштаб.* – Тверь, 1995. – С.28.

¹⁰⁴ О некоторых литературно-художественных журналах // Большевик. – №17, 1939. – С.54.

для радиопостановки о будущей войне¹⁰⁵. События опередили писателя. Тем не менее, первой публикацией Шпанова военной поры станет перепечатка журналом «Красноармеец» (1941, №12.) отрывка из повести о том, как летчик Сафар, жертвуя собой, уничтожает секретные аэродромы фашистов.

Успех Шпанова был поучительным. Известный военный историк комбриг Н. Левицкий считал, что опыт Шпанова «должен быть в значительной степени расширен и углублен. Нужно в нашей литературе дать не менее яркую картину боевой деятельности других родов войска и картину взаимодействия всех родов войск, направленных к достижению единой цели – победы над вражескими силами»¹⁰⁶. Например, писатель Л. Рубинштейн намеревался написать книгу о советском морском флоте по типу «Первого удара». Над новым произведением о будущей войне задумывается и Всеволод Вишневский. В феврале 1939 г. он набрасывает черновик «Заметки о войне (Эскиз будущих событий)». Это была стилизация под блокнотные записи советского летчика – участника войны с нацистской Германией. «Заметки...» включали в себя экскурс в историю, размышления о характере войны, мысли о текущих воздушных и десантных операциях. Для врага, как всегда, нашелся дежурный уважительный эпитет: «У немцев есть крепкая военная традиция, есть хватка, есть свои методы». Была отмечена колоссальная химическая операция противника. И вновь анализ боеспособности врага сводился к роли социально-политического фактора: «У немцев повторится старая история: сдаст тыл». В подтверждение своих слов герой упоминает о подпольных радиопередачах Народного фронта и немецких военнопленных: «Сжим[ают] кулаки: „Рот фронт“». Согласно записям, советские фронтовые операции развернулись «весьма не плохо»: «Наше выдвижение в Европу сделано в большом стиле». Персонаж радовался тому, что Европа не досчиталась уже «кое-каких нелояльных

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.109.

¹⁰⁶ Левицкий Н. *Повышать военную квалификацию народа* // Литературная газета. 1 августа 1939.

буржуазных правительств», и готовился, наконец, направить судьбы Германии. Удар по Берлину с воздуха описывался в восторженных выражениях: «Мы бомбили их среди бела дня с высоты, которая вполне благоприятствовала операции. Использовали и двухтонные и трехтонные бомбы и некоторые новые образцы. О них пока не могу даже писать. Барселонские бомбардировки не годятся и в подметки...» Не обошлось без апологетических рассуждений о прозорливости советского политического руководства и военном опыте Сталина:

«Я думаю и о духовных качествах руководства нашей страны. В Центральном Комитете, в Политбюро, в Совнарком работают люди огромного, разностороннего опыта. В своей жизни они видели многое... Еще задолго до начала этой войны, когда Европа конвульсивно дергалась при появлении различных военных доктрин и «сверхизобретений», шатаясь из одной крайности в другие, наши вожди, скупые на слова, все тщательнейшим образом взвесили, проверили... По сути, что произошло? Пока Европа экспериментировала, увлекалась, пробовала различные образцы вооружений, различные методы, мы суммировали все это и в громадных масштабах, и в невиданных темпах двинули вперед то, что за рубежом еще изучалось в отдельных экземплярах. Помнится, как нервно дергались и суетились военные атташе на Красной площади, когда время от времени показывали им советские «цветочки», тут же обещали, что ягодки впереди.

Мы знаем, что победа будет нашей. Я думаю о Сталине, о его огромном жизненном опыте, о его военном, стратегическом опыте. Он лично – в условиях большой гражданской войны, когда биться приходилось против опасной коалиции, изучил наши фронтовые районы. Он знает Север, Запад, Балтику, знает Юго-Запад, Украину, трижды приходил он ей на помощь – в 1918 году, громя и гоня немцев, и в 1919 году – громя и гоня деникинцев и интервентов, в 1920 году – громя и гоня белополяков. За Сталиным опыт крупнейших операций, опыт создания армий. Сталин, как никто, знает, что такое большая борьба, ответственность и опасность. Он знает работу всего

государственного и военного механизма в любых условиях – и в благоприятные и кризисные периоды. Он как никто знает людей, их возможности. Он всегда остается на реальной почве и думается, что он разгадал загадки этой войны раньше, чем наши противники, если они вообще способны их разгадать»¹⁰⁷.

Выше процитированный фрагмент, учитывая тот факт, что Сталин попал под обаяние «Первого удара», выглядит весьма не скромно.

Повесть Шпанова приобрела качества эталона и отразилась на творчестве других писателей. В 1939 г. попытался возобновить работу над романом «81 день. То, чего не будет...» прозаик И. Кремлев-Свен, многолетний сотрудник журнала «Крокодил», автор запрещенной к тому времени коммунистической утопии «Город энтузиастов». В 1935 г. им были сделаны наброски авантюрного романа о будущей войне Советского Союза против Германии и Польши¹⁰⁸. Действие романа разворачивалось как будто в двух измерениях – вымышленном мире и в реальности. Согласно сюжету, за пять лет до второй мировой войны в одну из московских редакций незнакомый седеющий человек – «Генерал» - принес рукопись на тему о грядущей войне, с которой, в редакции, кажется, так и не удостоились поинтересоваться («...за последнюю шестидневку «это восьмой роман о предстоящей войне. Кажется, в Москве не осталось ни одного управдома, который не писал бы романа на эту тему...»). Последующая часть романа представляла собой своеобразную перепроверку фантазий незнакомца настоящей войной. Причем главному герою романа предстояло стать очевидцем героической гибели «Генерала» на фронте:

«Против нас была польская конница. Легкие быстроходные танки поддерживали ее на флангах. Немецкая артиллерия расчищала путь полякам.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.1267. Л.7, 8-9, 10, 11, 12.

¹⁰⁸ Современники, наблюдавшие флирт Берлина с Варшавой, не исключали в будущем такого альянса, также, например, как английский писатель Фоулер-Райт в романе *Четыре дня войны* считал вероятной войну против европейских демократий со стороны Германии, Польши и СССР.

...Редели ряды... Я видел, как снарядом убило командира полка, как один за другим под пулеметным и ружейным огнем выбывал командный состав полка.

...Это все, что осталось от полка. Две сотни обезумевших от ужаса, боли и ненависти людей, лишенных командования, - вот и все, что осталось от 304-го полка.

...Кавалерия спускалась с пригорка. Я видел, как дрогнула цепь, как один за другим неуклюже вставая поднялись и бросились в рассыпную бойцы.

Облако пыли. Кавалерия догоняет бегущих. Истошный крик...¹⁰⁹ кавалеристов. Блеск сабель».

Остатки полка подчиняет себе «Генерал». Со словами: «Полк, на белую, фашистскую сволочь – вперед!», он ведет уцелевших бойцов в атаку и заставляет противника отступить. Последними словами смертельно раненого «Генерала» будут: «...за нее... за Россию... за... Сталина...»

Разумеется, Советский Союз не был механически обречен на июньскую трагедию 1941 года и, конечно, в относительно благополучном 35-м году сложно было предвидеть контуры будущей катастрофы. Тем поразительнее совпадения черного наброска «81 дня. То, чего не будет» с обстоятельствами начального этапа Великой Отечественной. Можно сказать, Кремлев-Свен был беспощаден к собственной стране. Первая сводка Генштаба, по воле писателя, сообщала о том, что теснимые «моторизованными войсками противника части К[расной] А[рмии] вынуждены были оставить ранее занимаемые пограничные районы». Западный фронт, к счастью советской стороны, не был дополнен восточным: «Против ожиданий всего мира Япония не выступила. Правда, на границе Монгольской Народ[ной] Рес[публики] шли непрерыв[ные] вооруж[енные] провокации, но войны не было. Видимо, Япония выжидала». Президент США Рузвельт заявляет о своих симпатиях к жертве фашистской агрессии: «Великий советский народ – гов[орилось] в обращ[ении] – американская

¹⁰⁹ Слово неразборчиво (РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.2. Л.36.).

демократия выражает тебе подверг[нувшемуся] нап[адению] озвер[евшего] фашизма самое подлин[ное] сочувствие». Печать Херста сопровождает сообщения о советско-германской войне заголовками: Цивилизация против варваров. Американские добровольческие полки воюют на советском фронте. Рядом с красноармейцами находятся чехи – враги двадцатилетней давности, которые теперь стали союзниками и друзьями.

Ситуация на советско-германском фронте становится все более драматичной. Германо-польские войска, по замыслу Кремлева-Свен, захватывают Украину и Белоруссию. После упорных боев Красная Армия оставляет Смоленск. Еще в первый день войны Москва подвергается воздушной бомбардировке с применением отравляющих веществ. Возникает паника. По признанию главного героя, даже потом, на фронте, ему не доводилось видеть ничего более страшного: «Толпа рассеивалась. Раскинувшись на изрытом асфальте, повиснув на опрокинутых решетках, на поваленных фонарях, уткнувшись в истоптанные клумбы лежали, сидели, висели, стояли, подпертые трупами раненые, задавленные, оглушенные, искалеченные, сошедшие с ума, взрослые, дети, женщины, старики». Столицу охватывают слухи: «А правители-то сбежали...», «Каганович то на Урал вылетел... Всю свиту забрал...», «А золото из Торгсина загодя вывезли...». Москвичи перестают верить сообщениям газет и радио. Возникает недовольство западными партнерами: «А французы-то сволочи – сказал кто-то: - крутили, вертели, к нам ездили, а с немцами мы одни...»

Вмешательство в 1939 г. Кремлева-Свен в некогда отложенную рукопись было минимальным, однако, как следует из немногочисленных карандашных вставок, концептуальным. Писатель решился ослабить драматические коллизии, одновременно присовокупив к войне восточный фронт («Япония участвовала в войне с первого же дня») и назвав ее Азиатско-Европейской войной. Восьмой месяц войны, упомянутый мимоходом, предполагал, что оккупация Белоруссии противником не удалась, а вражеский налет на Москву почти не вызвал паники. Однако оптимистическое переосмысление будущей

войны оказалось недостаточным на фоне повести Шпанова. После триумфа «Первого удара» Кремлев-Свен прекратил работу над «81 днем...»¹¹⁰

О том, какие варианты будущей войны были допустимы в 1939 г., можно судить по разноформатным сочинениям Л. Рихтера, Л. Варламова и В. Наумова, которые также, как и повесть Шпанова, затрагивали тему воздушной войны. Очерк-фантазия Л. Рихтера «Отраженный налет» (кстати, дополненный фотоочерком) вкратце излагал идеальную схему противовоздушной борьбы. Как всегда, без объявления войны, вражеские эскадрильи вторглись на территорию Советского Союза. Посты воздушного наблюдения, расположенные на подступах к городу N, своевременно обнаружили противника. Вражеские самолеты были встречены истребителями, аэростатами заграждения и зенитным огнем. Лишь несколько случайных бомбардировщиков прорвались к городу: «Забравшись на огромную высоту, обезумевшие от преследующей их по пятам советской истребительной авиации фашистские пилоты потеряли способность ориентироваться в плане лежащего под ними города. Лихорадочно сбрасывают они свой смертоносный груз на случайные объекты. Большая скорость и высота полета помешали точному прицелу – большинство бомб летело мимо цели...» Население встретило налет вражеской авиации организованно и спокойно. Предприятия и учреждения бесперебойно функционируют. Ученые, счетоводы, машиностроители и врачи не покинули своих рабочих мест, продолжая трудиться в противогазах. Ни слова ни говорилось о погибших, только – о пострадавших горожанах. Налет отбит. Краснозвездные истребители «отжимают» отдельные самолеты противника от границы, вынуждая их к посадке на советской территории. «Жизнь города полностью вошла в нормальную колею. – Заключает Л. Рихтер. – Повсюду царит оживление. Следов прошедшей тревоги незаметно»¹¹¹. Таким

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф.1250. Оп.2. Д.169. Л.11-12, 22об, 33-36, 39, 40, 46, 48-49, 85, 86, 97, 99, 103, 109.

¹¹¹ Рихтер Л. *Отраженный налет* // Техника-молодежи. – №7-8, 1939. – С.37, 39.

ему представлялся первый день войны. В рассказе Л.Варламова «Отвага»¹¹² главный герой летчик Владимир Соколов направляет свой поврежденный истребитель на вражеский бомбардировщика, демонстрируя при этом прекрасные цирковые способности: «...Соколов был абсолютно спокоен, а когда он убедился, что столкновение неминуемо, напряг все силы и выпрыгнул из кабины. В следующее мгновение над головой летчика произошел сильный взрыв». На вражеской территории пилота, блестяще выполнившего таран, подбирает советский самолет. В журнале «Самолет», с которым некогда был связан Николай Шпанов, публикуется отрывок из романа В. Наумова «Воздушная война 194... года» (в примечании редакция сообщала, что роман намечен к печати¹¹³). На двух страничках следовало описание воздушного рейда 63-й стратосферной эскадрильи под командованием майора Александра Валона. Прорвав противовоздушную оборону фашистов, эскадрилья уничтожает секретный вражеский аэродром: «Прошло только 8 мин., а 27 бомбардировщиков, сбросив свой разрушительный груз, превратили самолеты врага в груды обломков, рощу – в ярко пылающий костер, а поле – в груды развороченной земли. Ни чудовищный тайфун, ни грозное землетрясение не могли бы оставить более разрушительных следов...» На обратном пути советскую эскадрилью атакуют вражеские истребители. Попытку описать потери сторон в воздушном бою на паритетной основе Наумов обрывает появлением советских истребителей: «Фашистские самолеты бросились враспынную. Советские истребители ураганом устремились вдогонку, демонстрируя свое превосходство, несокрушимость и уверенность в победе»¹¹⁴.

¹¹² Варламов Л. *Отвага*. Рассказ // Красная Карелия. 15 сентября 1939.

¹¹³ Наумов В. *Воздушная операция* // Самолет. – №12, 1939. – С.26. Самую первую публикацию фантастического романа за подписью двух авторов см.: Шейдеман А., Наумов В. *Воздушная операция будущей войны: Отрывок из романа «Воздушная война 194... года»* // Знание – сила. – №2, 1938.

¹¹⁴ Наумов В. *Воздушная операция* // Самолет. – №12, 1939. – С.27.

Реконструируя советскую антиципацию в части военной утопии, необходимо остановиться на роли профессиональных военных, которые выступали своеобразными меценатами, цензорами и консультантами¹¹⁵. Работая над романом *На Востоке* П. Павленко признавался, что ему «не ясен ход войны, не ясны технологические процессы будущего сражения»¹¹⁶. Деловые советы можно было получить у представителей Красной Армии. Такая помощь Павленко была, предположительно, оказана начальником Политуправления Красной Армии Яном Гамарником, которому писатель хотел посвятить целую главу в романе (Гамарник опротестовал намерение писателя), и, может быть, командующим Дальневосточным округом К. Блюхером, как лицом заинтересованным – в книге изображались действия подчиненного ему округа. При написании романа «Дорога на Океан» Л. Леонова консультировал П.И. Смирнов – будущий нарком военно-морского флота и т.д. Драматург В. Киршон, сочиняя пьесу «Большой день», получил от командования Военно-воздушных сил разрешение непосредственно наблюдать «все виды воздушных операций». Сам драматург хвалился, что опирался на помощь «опытных и авторитетных консультантов», среди которых был знаменитый летчик-испытатель и рекордсмен В. Коккинаки. Несовпадение авторских фантазий с представлениями о будущей войне, принятыми в военных кругах, было чревато цензурными ограничениями. Начальник Военно-воздушных сил Я.Алкснис выступил против постановки пьесы М. Булгакова «Адам и Ева», так как по ходу действия пьесы погибали все ленинградцы. «Большой

¹¹⁵ Вероятно, одним из первым довелось консультировать произведения о будущей войне начальнику Главного управления противовоздушной обороны Генштаба РККА комкору М.Е.Медведеву, который был причастен к постановке художественного фильма *Город под ударом* (1932). В частности кинооператор С.Лебедев вспоминал: «Благодаря Медведеву мы приобщились к военной науке, познакомились с проблемами стратегии, постарались разобраться в доктрине итальянца Дуэ, считавшего, что воздушные силы способны самостоятельно решать исход войны. Нам надлежало показать бессилие этой доктрины перед оснащенной современной техникой Красной Армией. Таково было назначение картины о будущей войне *Город под ударом*» (Лебедев С.С. *Лента памяти*. – М., 1974. – С.123.).

¹¹⁶ Левин Л. П.А.Павленко. – М., 1953. – С.127.

день» В. Киршона, напротив, соответствовал ожиданиям военных. Артист Б. Бабочкин вспоминал, как после премьеры спектакля в Большом драматическом театре имени Горького крупные военные специалисты прошли за кулисы, чтобы выразить своё удовлетворение постановкой¹¹⁷. На художественный фильм «Неустрасимые» (Лентехфильм, 1937), посвященный рейду советской кавалерии в будущей войне, умный и педантичный командарм II ранга А.Седякин откликнется рубленными фразами: «Доходит. Нравится. Воодушевляет»¹¹⁸.

Практически все оборонные фильмы в духе антиципации, снятые во второй половине 30-х годов, были отмечены участием военных. «Глубокий рейд» консультировал А. Рафалович. Именно нарком обороны К. Ворошилов поддержал идею режиссера Е. Дзигана снять «фантастический фильм на документальном материале» («Если завтра война»), что позволило председателю Комитета по делам кинематографии Б. Шумяцкому особо акцентировать внимание сотрудников на том, «что это задание партии»¹¹⁹. Начальник Генерального штаба маршал А.Егоров содействовал постановочной группе Дзигана в съемках батальных эпизодов, обеспечив ее необходимыми воинскими соединениями. По рекомендации военного командования постановщики фильма разбавили хроникальный материал игровыми сценами, которые показывали противника и его действия. «Военно-морской» цикл (фильмы «Четвертый перископ» по сценарию военного врача Г. Блауштейна и «Моряки» по сценарию бывшего мичмана царского флота и морского командира в запасе С. Абрамовича-Блэк) опекали представители флота старший лейтенант П. Аршанко, капитан-лейтенант К.К. Черемухин, капитан 1-го ранга И. Челпанов. Последний из предвоенных фильмов «Морской ястреб» (по сценарию Н. Шпанова «Непобедимый флот» о борьбе с военным пиратством на море), который был запущен

¹¹⁷ Бабочкин Б.А. *Любимая роль* // Киршон В.М. *Статьи и речи о драматургии, театре и кино*. – М., 1962. – С.270.

¹¹⁸ Седякин А. «Неустрасимые» // Кино. 22 октября 1937.

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф.2450. Оп.2. Д.597. Л.13.

в производство весной 1941 г., консультировал контр-адмирал, начальник Одесской военно-морской базы Г.В. Жуков, награжденный двумя орденами за участие в гражданской войне в Испании. Среди военных появились своего рода «штатные» консультанты: полковник И.Ф. Иванов (фильмы «Если завтра война», «Эскадрилья №5») и его однофамилец капитан 3-го ранга П.И. Иванов («Четвертый перископ», «Моряки»).

Не исключено, что их причастность к военным утопиям привела к полной стерилизации жанра. Так драматург И. Прут, в прошлом солдат русского экспедиционного корпуса во Франции, бывший буденовец, «почти барон Мюнхгаузен», как его называли друзья, в 1938 г. поставил перед собой задачу показать «основные черты первых часов будущей войны». С одной стороны, Прут искренне верил, что советский народ выиграет войну малой кровью и, конечно же, не потеряет десять миллионов человек¹²⁰. С другой стороны, ему претило измельчение военного потенциала и способностей противника (о спектакле «Большой день» Прут скажет: «Враг в пьесе Киршона не стоит тех двадцати миллиардов, которые мы вкладываем в наш военный бюджет. Этот враг едва стоит купленного в театр билета»¹²¹). Сочетание этих двух, может быть, неравноправных начал, должно было предохранить драматурга от шапкозакидательского сюжета. Отнюдь. Вопреки жизненному опыту и недавним творческим удачам (сценарий к фильму «Тринадцать») Прут напишет киносценарий «Война начинается» (фильм «Эскадрилья №5»), мало, чем отличавшийся от пьесы Киршона «Большой день». Позже Прут вспоминал: «Совершенно естественно, темы фильмов и пьес не придумывались. Они базировались на документах, которые нам предоставляло военное ведомство»¹²². От наркомата обороны, упомянутого Прутом, на помощь к создателям фильма был откомандирован Герой Советского Союза комбриг И.И.

¹²⁰ РГАЛИ. Ф.631. Оп.2. Д.164. Л.22.

¹²¹ Афиногенов А. *Дневник 1937 года* // Современная драматургия. – №1, 1993. – С.242.

¹²² Прут И. *Неподдающийся*. – М., 2000. – С.267.

Евсевьев, незадолго до того вернувшийся из Испании¹²³. Недавний лейтенант, мужественный летчик, он волею событий 1937-1938 годов будет произведен в комбриги, не имея на тот момент должных знаний и опыта. Разумеется, тогдашний кругозор Евсевьева отразится на творчестве Прута и режиссера А. Роома. По словам И. Гращенковой, «Эскадрилья №5», как и предшествующие картины, легковесно, ложно показывала будущую войну с фашизмом как цепь ничего не стоящих побед, набор вражеских глупостей и череду интересных военных приключений¹²⁴.

Другой «испанец» Герой Советского Союза комкор Д. Павлов, возглавлявший Автобронетанковое управление Красной Армии, будет консультантом фильма «Танкисты» (1939) (самыми первыми консультантами по фильму являлись будущий маршал Б. Шапошников, а также не дожившие до премьеры картины начальник вооружений РККА командарм II ранга И. Халепский и заместитель начальника автобронетанкового управления Красной Армии комдив М. Ольшевский). Это была очень динамичная, с незамысловатым сюжетом картина. Вражеское командование в лице генерала Бюллера, стремится заманить советские части в ловушку, подготовленную у города Энсбург. По мнению генерала, советские войска будут вынуждены атаковать в лоб, и, несомненно, будут разгромлены, как некогда армия Самсонова под Танненбергом. Судьбу сражения решает рейд нескольких советских танков, экипажи которых демонстрируют «одиннадцать подвигов Геракла»: преодолевают различные естественные препятствия, по пути спасают ребенка, отбиваются от фашистов в осажденном танке, снайперским огнем уничтожают вражескую батарею и т.д. Рейд отважных танкистов делает возможным удар Красной Армии во фланг противника, и уже генерал Бюллер вынужден задуматься над последним поступком генерала Самсонова – самоубийством. Таким образом, мышление

¹²³ К *Эскадрилья №5* наряду с Евсевьевым также были причастны комдив П.А. Котов, полковники С.А. Доян (Дюер) и А.М. Дьяков.

¹²⁴ Гращенкова И.Н. *Абрам Роом*. – М., 1977. – С.175.

советских кинематографических полководцев было недостижимым, а советские боевые машины – неуязвимыми для противника. Один из рецензентов отметит, что неумный противник в «Танкистах» вызывает раздражение: «...бои идут без единой жертвы со стороны красных; бензин в наших танках не взрывается даже тогда, когда его поджигают, а танкисты не получают ожогов от огня. Подобная лакировка действительности, преуменьшение силы, знаний и сметливости врага снижает достоинства картины»¹²⁵. Журнал «Искусство кино» пропишет в адрес фильма: «Враг в картине показан слабым, жалким и беспомощным. Победа отважных танкистов, в действительности обеспеченная их личными боевыми качествами и технической мощью вооружения, в этой картине буквально валится с неба»¹²⁶. Оценивая настоящий победоносный настрой, Герой Советского Союза летчик-рекордсмен П. Осипенко однажды заметит: «Это прекрасная картина, но там мы всё время бьём. Это замечательно, так и надо, чтобы мы били, но и с нашей стороны могут быть потери. Надо, чтобы картины не расхолаживали»¹²⁷. В свою очередь подконтрольное Д. Павлову издание «Автобронетанковый журнал» увидит недочеты фильма отнюдь не в образе врага, не в прозрачных рецептах победы, а в «примитивном изображении некоторых тактических эпизодов»¹²⁸. Сам Павлов на одном из партийных собраний вскоре после выхода фильма на экран уверял слушателей: «Если вы, товарищи, видели кинофильм «Танкисты», то вы верно с большим трудом верили в то, что это засняты обычные будни танкистов, что танки это проделывают в обычной обстановке. Танкисты, выученные, воспитанные в коммунистическом духе, вооруженные великим учением Ленина-Сталина в будущей войне смогут спокойно и по-деловому бить

¹²⁵ Мороз Ал. «Танкисты» // Правда. 14 февраля 1939.

¹²⁶ Искусство кино. – №5, 1939. – С.5.

¹²⁷ Центральный Государственный Архив общественных Движений Москвы. Ф.4. Оп.10. Д.2Б. Л.155.

¹²⁸ Коломенцев П., Парчинский А. «Танкисты» // Автобронетанковый журнал. – №4, 1939. – С.87.

любое фашистское государство»¹²⁹. На деле бодрые заявления комкора расходились с действительностью. На совещании военных делегатов XVIII съезда ВКП(б) и начальников центральных управлений Наркомата обороны 23 марта 1939 г. Д. Павлову пришлось озвучить часть нелестной информации о профессиональных навыках танкистов: на январских учениях в Ленинградском военном округе в одном из полков «не могли вывести 14 танков и 2 трактора, а из тех, которые вышли, один танк и один трактор засели в канаву, второй трактор столкнулся с трамваем, а подъем у Красного села взял только один танк, остальные не могли взять». По сведениям Павлова, в Красной Армии за 1938 год от всевозможных аварий и катастроф пострадало 1179 человек, из которых 84 погибло¹³⁰. Наверно, все совокупные жертвы Красной Армии в кинематографических войнах были ниже непредвиденных потерь мирного времени. Таким образом, фильм *Танкисты* явно не отражал реальную боеспособность Красной Армии, зато ставил под сомнение военно-оперативный, если не стратегический кругозор тогдашнего военного командования. Случай с Павловым в какой-то мере объясняет иллюзии многих писателей и кинематографистов, творивших в духе антиципации. Как сказал С. Черток о фильмах о будущей войне: «Кино оказалось не готовым к предстоящей войне в такой же точно степени, как армия и ее маршалы – художественное мышление не опережало стратегическое»¹³¹.

Для профессиональных военных антиципация была привычной областью приложения знаний, особенно на уровне военных доктрин, теории или штабных игр. Размышление над будущим было свыше очерченной задачей для представителей армии и флота. «Начальнику Генерального штаба нужно работать четыре часа. Остальное время вы должны лежать на диване и думать о будущем» – наставлял Сталин

¹²⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.3003. Л.67.

¹³⁰ РГВА. Ф.4. Оп.18. Д.50. Л.16.

¹³¹ Черток С. *Стоп-кадры. Очерки о советском кино*. – London, 1988. – С.161.

одного из высокопоставленных военных¹³². В предвоенное десятилетие рамки антиципации оказались расширены за счет жанра военных утопий, который профессиональные военные освоили не только в качестве консультантов и рецензентов. Иногда военные предлагали собственные версии будущих войн. Жанр военных утопий позволял им продемонстрировать, как это не странно звучит, поэзию и гармонию войны, а также выразить в лицах и поступках то, о чем абстрактные положения устава или доктрины умалчивали. Авторам в мундирах казалось важным высказаться по вопросам жизни, смерти, дружбы, подвига и т.д. Например, 29 октября 1938 г. в Московском театре им. Ленинского комсомола состоялась премьера спектакля «Миноносец „Гневный“». Автором пьесы, написанной по заданию ЦК ВЛКСМ, был выпускник Военно-морской академии им. Ворошилова, будущий контр-адмирал Владимир Алексеевич Петровский (известен в литературных кругах под псевдонимом Владимир Кнехт). На сцене разворачивалась история первого и, как оказалось, последнего боя советского миноносца «Гневный». По распоряжению главного командования экипаж миноносца должен был задержать вражеские корабли и обеспечить развертывание советского флота. Ради выполнения приказа командир миноносца Бондарев выражает готовность пойти на таран. С командиром соглашается военный комиссар Демидов: «Если надо – зубами перервем (врагу. – В.Т) глотку»¹³³. В неравном бою «Гневный» пустил на дно и вывел из строя два вражеских крейсера и миноносец. Впечатляющая победа обошлась в несколько раненых моряков. Капитан приказывает потопить поврежденный миноносец на фарватере, чтобы преградить путь флоту противника. Экипаж и самого Бондарева подбирают подошедшие советские корабли. Почин победоносной и малокровной войне был положен... Уже упоминавшийся фантастический очерк лейтенанта-орденоносца В. Агуреева «Если завтра

¹³² Захаров М. *Учёный и воин*. – М., 1978. – С.87.

¹³³ РГАЛИ. Ф.656. Оп.3. Д.1256. Л.68.

война», опубликованный в ноябре 1938 г.¹³⁴, послужит подспорьем В. Вишневскому и Н. Шпанову при доработке «Первого удара». Очерк был посвящен вымышленной воздушной операции по уничтожению подземных авиабаз Берлинского узла обороны. Действия советских бомбардировщиков разворачиваются на фоне масштабного наступления Красной Армии. «В то время, как эскадрильи готовились в этот рейд, - писал Агуреев, - победоносная армия Советского Союза, подавляя сопротивление Польши (начавшей вместе с «третьей империей» восточную авантюру), переправилась через Вислу, стремительно шла на запад, тесня германские дивизии». В районе Познани советские самолеты пересекают фронт: «Потянулись чужие земли. Земли... которые скоро будут не чужими, а рабочих и крестьян Германии». При советском налете на Ганновер немецкие антифашисты подают условные сигналы, указывая местоположение заводов. Командир авиационной группы Лакин и его подчиненные аккуратно уничтожают на земле только военные объекты («Советские летчики не воюют против мирного населения»). Очередная блистательная победа обходится потерей двух советских самолетов.

Вскоре после окончания боев с японскими войсками на озере Хасан газета «Правда» поместила рассказ летчика Героя Советского Союза Г. Байдукова «Разгром фашистской эскадры» о том, как «Красная Армия ведёт напряжённую и беспощадную войну со старинным хищником Востока»¹³⁵. Очень скоро Байдуков порадовал читателей очерком-фантазией о будущей войне «Последний прорыв»¹³⁶. В обеих вещах действовал один и тот же герой – Снегов, которого Байдуков из майоров произведет в полковники. В рассказе «Разгром фашистской эскадры» авиаотряд Снегова, получившего задание

¹³⁴ Агуреев В. *Если завтра война* // Красная звезда. 17 ноября 1938.

¹³⁵ Правда. 19 августа 1938; Байдуков Г. *Разгром фашистской эскадры (фантазия о будущей войне)*. – Ростов н/Дону, 1938. – С.4.

¹³⁶ Байдуков Г. *Последний прорыв (эпизод из войны будущего)* // Правда. 6 ноября 1938.

перерезать вражеские коммуникации на море, в штормовую погоду атакует и уничтожает вражескую эскадру: «...на морских просторах океана заблестели зарева взрывов, пожаров, и наверное, океан содрогнулся от стонов и воплей тонущих десантов вражеской армии». Вопреки приказу Снегова экипаж поврежденного самолета, который, кстати, не утратил шансы на спасение, пикирует на вражеский крейсер и топит его. Гибель нескольких советских пилотов венчает советский реванш за Цусиму. В очерке «Последний прорыв» советская армия «на второй месяц войны с фашистскими хищниками, углубилась на 950 километров к западу, прижав противника к его последним укреплениям»¹³⁷. Чтобы разрушить главный узел обороны противника, советское командование решило использовать трофейный бомбардировщик, загруженный взрывчатыми веществами, и оснащенный аппаратурой автоматического управления. Доставить бомбардировщик к цели вызывается Снегов. Советским летчикам удастся ввести в заблуждение противника и прорваться сквозь линию противозенитной обороны. Не долетая до крепости, Снегов и его механик выбрасываются на парашютах. С помощью аппаратуры дистанционного управления, установленной на одном из советских истребителей, бомбардировщик направляют на вражеский узел обороны. Гремит чудовищный взрыв, возвестивший о начале наземного штурма. Мимо Снегова «двигаются бесконечные резервы тяжелых танков, механизированных орудий, пехоты. Вверху проносятся эскадрильи боевых самолетов. Земля и воздух содрогаются от могучей силы, устремляющейся в прорыв последней полосы укреплений фашистов».

Насколько Байдуков был искренен в своих рассказах? На пленуме Московского горкома ВКП(б) 25 апреля 1939 г. Г.Байдуков говорил: «Та война, которая развернется между Советским Союзом и капиталистическим миром – это будет грандиозная война. У нас все уяснили, что война будет

¹³⁷ Правда. 6 ноября 1938.

страшная, война будет не на жизнь, а на смерть, война обязательно будет, но в чем она проявится, это не проглядывает ни в печати, ни в кино, ни по радио. Если посмотреть оборонные картины, оборонные произведения, они все-таки не воспитывают наше население»¹³⁸. И, разумеется, сам Байдуков пытался придерживаться критерия «страшной войны не на жизнь, а на смерть», т.е. он писал о будущей войне именно так, как представлял ее. В июне 1939 г. он завершил в соавторстве с литератором Д. Тарасовым работу над сценарием «Разгром фашистской эскадры». Впервые фрагменты сценария были опубликованы в августе 1939 г. за несколько дней до визита Риббентропа в Москву¹³⁹ (после подписания советско-германского договора о ненападении сценарий будет переименован в «Разгром вражеской эскадры»). В основу киносценария были положены сюжеты обоих очерков 1938 г. Любопытны некоторые детали первой редакции сценария. Советские лётчики сбивали в нем вражеские самолёты кавасаки и мессершмиты; в советском плену находились японцы, корейцы и «европейцы». Красноармейцы закрашивали фашистские знаки на трофейных машинах, рисовали красные звёзды и «ставили порядковые номера: 2233, 2234 и т.д.». Командующий армией комкор Иванов говорил в телефонном разговоре с Ворошиловым: «Здравствуйте, Климентий Ефремович! Нет... В сводках никакой фантазии... Продвинулись ещё километров на 14... Пленных? Много, очень много... Трофеи? Я боюсь, вы не поверите, Климентий Ефремович... Да, мы сами себе не верим... Потери незначительные, но есть, конечно, есть... Отдельно вам об этом доложу». Комкор Иванов ставит задачу летчикам: «разгромить эскадру на полпути ценою малых жертв»¹⁴⁰ и последующая операция по уничтожению вражеского флота немногим изменяет отчетную фразу «потери незначительные, но есть, конечно, есть». В несколько видоизмененном виде «Разгром

¹³⁸ ЦАОДМ. Ф.4. Оп.10. Д.2Б. Л.69-70.

¹³⁹ Байдуков Г., Тарасов Д. *Разгром фашистской эскадры. Отрывок из сценария* // Московский большевик. 18 августа 1939.

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф.966. Оп.1. Д.11. Л.34, 39, 41.

вражеской эскадры» был опубликован в сборнике «Сценарии оборонных фильмов» (1940)¹⁴¹.

Антиципация, освященная авторитетом военных специалистов, соблазнила сфальсифицированной будущностью не всех, но многих современников. Например, спектакль «Большой день», по словам Б. Бабочкина, который исполнял роль Кожина, имел тогда «бешеный успех»¹⁴². Будущий секретарь Сталинградского обкома партии А. Чуянов вспоминал о своих чувствах во время просмотра спектакля «Большой день» в одном из московских театров: «Вместе со всеми зрителями я горячо аплодировал, искренне верил, что так оно и будет в жизни, если нам придется столкнуться с врагом»¹⁴³. Например, будущему советскому лидеру Н. Хрущеву, которому в закрытом порядке продемонстрировали только что поставленный фильм «Эскадрилья №5», кинематографическая победа над фашистами показалась достаточно симпатичной¹⁴⁴. Советский человек, опекаемый пропагандой и карательными инстанциями, в значительной мере утратил к концу 30-х годов возможность критически оценивать действительность и стал более восприимчив к благим обещаниям. В обществе с пониженным порогом инакомыслия и к тому же, предрасположенном к эйдетизму, реальность была замещена оптимистическим ощущением грядущего. «Конфетный»

¹⁴¹ Байдуков Г.Ф., Тарасов Д.Л. *Разгром вражеской эскадры* // *Сценарии оборонных фильмов*. – М., 1940. Сценарий попал в тематический план кинопроизводства на 1940/41 гг. Его экранизация была доверена А.Птушко (в 1936 г. он уже намеревался совместно с писателем А.Толстым поставить научно-фантастический фильм *Голубая звезда*). Режиссер Птушко отмечал, что к участию в работе над фильмом были приглашены «военные консультанты Наркомата обороны и Военно-Морского Флота по разным родам оружия». Съемки шли полным ходом на черноморском побережье. В декабре 1940 г. *Разгром вражеской эскадры* был неожиданно снят с производства, как сообщалось, из-за низкого качества материала и устаревшего сценария. Когда началась Великая Отечественная война, руководство Мосфильма поручило А.Птушко возобновить работу над фильмом и выпустить картину не позднее 1 сентября 1941 г., однако фильм так и не был завершен.

¹⁴² Бабочкин Б.А. *Воспоминания, дневники, письма*. – М., 1996. – С.35.

¹⁴³ Чуянов А.С. *На стремнине века. Записки секретаря обкома*. – М., 1977. – С.64.

¹⁴⁴ Маневич И. У «вертушки» // *Искусство кино*. – №7, 1988. – С.134.

образ войны, соответствовавший правилу говорить о Будущем в превосходных тонах, отвечал массовым ожиданиям и сложившимся представлениям. «Где-то под кустом, под замшелым пнем расположены подземные чудеса, управляемые кнопками с пульта чудовища, всевидящие, искусно спрятанные перископы – реконструировал впоследствии собственные заблуждения корреспондент «Вечерней Москвы» В. Рудный, – в те времена об этом легко и бездумно писали авторы полуфантастических журнальных рассказов о грядущей войне. Быть может, не я один слепо и увлеченно верил подобному усыпляющему сочинительству о сокрушительных «первых ударах» и сверхукреплениях, разумеется, превосходящих все, что можно было ожидать от известных каждому читателю газет линий Зигфрида и Мажино. Верил потому, что приятнее победу над ненавистным врагом представлять себе легкой и быстрой, чем кровавой и жестокой»¹⁴⁵. Отсюда та степень доверия к военным утопиям и популярность самого жанра среди советских людей. Например, книга Н.Шпанова «Первый удар», по воспоминаниям поэта Е.Долматовского, была в магазинах и библиотеках нарасхват¹⁴⁶. Повесть читалась здорово, в один присест, «залпом». Старший инспектор Областного управления Гострудсберкасс и Госкредита В.Логачева из Тамбова писала Шпанову «С большим удовольствием прочла сегодня Вашу повесть о будущей войне „Первый удар“». При чтении она почувствовала собственную сопричастность к описываемым событиям: хотелось «помочь нашим летчикам, побежать на радиостанцию, сообщить им о грозящей опасности». Особенно ей понравилось противопоставление назначения советских бомб бомбардировке германского дирижабля¹⁴⁷. Герой Советского Союза И.Мошляк, участник боев на озере Хасан, назовет «Первый удар» хорошей книгой¹⁴⁸. Курсант

¹⁴⁵ Рудный В.А. *Действующий флот*. – М., 1965. – С.17.

¹⁴⁶ Долматовский Е.А. *Было. Записки поэта*. – М., 1982. – С.67.

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф.618. Оп.2. Д.1052. Л.3.

¹⁴⁸ Мошляк И. *Тема войны* // «Литературная газета», 1 августа 1939.

Витебского аэроклуба Н.И.Ш. сопроводит положительную оценку несколькими непринципиальными замечаниями:

«Рассказ в журнале «Знамя» №1 за 1939 г. в основном написан очень хорошо, много захватывающих моментов.

Плохо, что автор не указал, что все промышленные и военные объекты фашистской Германии не были защищены зенитной артиллерией и аэростатами-заградителями. Если в Германии есть недостаток в истребительной авиации, то в будущей империалистической войне они будут широко применять аэростаты-заградители, так как военные специалисты настаивают на широком применении аэростатов-заградителей.

Не указано также, что случилось с летчиком Косых, улетевшим на польском самолете в Советский Союз»¹⁴⁹.

Разумеется, среди читателей «Первого удара» раздавались и противоположные голоса. Писатель А. Гайдар, которому претили хвастливые книги, изображавшие войну, как победное шествие, скептически оценивал аргументацию похвальной рецензии М. Миронова о повести Шпанова: «...статья полкового комиссара что-то подозрительна, ибо цитаты он приводит очень неудачные»¹⁵⁰. Основываясь на известных читательских откликах, однако, можно предположить, что с 1936-1937 гг. по 1939 г. был катастрофически ослаблен критический подход читателей к жанру военных утопий. Реакция на роман «На Востоке» (1936), в отличие от «Первого удара», была более сдержанной и иногда суровой. Повесть Шпанова в 1939 г. не встретила подобного сопротивления читательской аудитории. Понадобится трагедия 41-го года, чтобы современники иначе, более чем критически осудили сюжет «Первого удара»¹⁵¹.

¹⁴⁹ РГАЛИ. Ф.618. Оп.2. Д.1052. Л.4.

¹⁵⁰ Гайдар на войне // Литературное наследство. – М., 1966. – Т.78. – Кн.2. – С.376; Гайдар А.П. Собрание сочинений. – М., 1982. – Т.4. – С.310.

¹⁵¹ Ветеран войны В.А.Смирнов в письме академику А.М.Самсонову подытожил предвоенные ожидания, связанные с повестью *Первый удар*, реальным опытом Великой Отечественной: «Сейчас об этом стыдно читать, но это было...» (Самсонов А.М. *Знать и помнить: Диалог историка с читателем*. – М., 1988. – С.79.).

О доверии к жанру военных утопий можно судить по творческой рефлексии, которая последовала со стороны читателей и зрителей (знаменитый американский писатель Э. Синклер, ознакомившись с романом «На Востоке», даже выскажет пожелание, написать вместе с П. Павленко роман о вооруженных конфликтах в Азии). Любительские разноуровневые фантазии мало чем отличались от исходных произведений. В очерке Л. Лось «Если завтра война» о вероятной операции Красной Армии против японских войск была воплощена фантазия группы молодых мытищинских рабочих, чьи имена автор присвоит персонажам. Одна из воинских частей получает приказ высадиться в тылу самураев, «разрубить все связи между штабом корпуса и частями, внести в ряды врага панику и тем самым обеспечить наступление главным силам советских войск». С высоты семи тысяч метров советские воины десантируются во вражеском тылу. Обманув японские посты, советские бойцы осторожно подошли к штабу противника. Молниеносный удар не оставил противнику шансов на сопротивление. Штаб был уничтожен, японские офицеры без единого выстрела сдались в плен. Между сопками красноармейцы подготовили площадку, на которую совершают посадку тяжелые самолеты с бронетехникой:

«Оставив под охраной пленных, части красных начали готовиться к главному удару. Быстро заняла свои огневые рубежи артиллерия, взмыли в небо истребители, двинулись танки, и после небольшой артиллерийской подготовки бойцы десанта пошли на врага. Но потрясенный враг уже бежал. В то время, когда истребители на бреющем полете расстреливали пехоту и конницу врага, танки шли на огневые точки, давя их своими гусеницами, сметая все заграждения.

Самураи уже не кричали «банзай». Теснимые главными силами красных и неожиданно встретившие у себя в тылу новые части советских войск, они тщетно искали спасения. Если их не настигала пуля метких советских стрелков, они падали, сбитые и раздавленные под копытами бегущей в панике японской конницы.

Ночью бойцы парашютного десанта соединились с нашими главными силами, и командир воздушной эскадры доложил главному командованию о том, что приказ выполнен».

Автор очерка делает оговорку: «Трудно сказать, состоится ли в будущей войне именно такая боевая операция, какую представили себе мытищинцы и какая описана выше. Может быть, она будет сложнее, потребует большего напряжения сил»¹⁵².

В сочинении на тему «Мои мечты» днепропетровский семнадцатилетний школьник Федор Ветчинин напишет: «Вот как я представляю себе свое будущее. После окончания школы летчиков меня посылают в авиачасть. Тут я могу показать на деле все, чему научился в школе. Мне приходится встретиться в воздухе с врагом. Предположим, что численный перевес будет на его стороне. Но всем известны эти «отважные», что, удирая, второпях бросают бомбы на свою же территорию, или вместе с машинами, охваченными пламенем, падают под нашими прямыми ударами. Мы побеждаем даже в случаях их явного численного превосходства – мужеством, выдержкой и отвагой. В первом бою мною сбито 7 вражьих самолетов. Через несколько дней я получаю радостное известие – меня наградили за отличное выполнение боевых заданий орденом»¹⁵³ (в сценарии Г. Байдукова ежедневной нормой советских летчиков могли быть и 6, и 9 сбитых вражеских самолетов).

Летом 1939 г. любопытный «стратегический» вариант противоборства СССР с капиталистическим окружением предложит москвич П. Величко, работавший на Автозаводе имени Сталина. Он намеревался написать фантастический роман. По замыслу Величко, который стремился максимально угадать очертания будущего, в 1939 г. Германия поглотит Польшу, а в 1941 г. Советский Союз внезапно окажет военную помощь Китаю и изгонит Японию из Манчжурии – власть в Китае перейдет к коммунистам: «Как только мы развязали себе руки

¹⁵² Лось Л. *Если завтра война...* // Комсомольская правда. 6 сентября 1938.

¹⁵³ Евгеньев Г. *Начало биографии* // Днепровская правда (Днепропетровск). 15 сентября 1940.

на востоке и уничтожили одного члена из трио (Антикоммунистического пакта. – В.Т.), мы становимся грозной силой, могущей противостоять, имея за спиной человеческие ресурсы Китая, всему, даже объединённому капиталистическому миру». К 1947 г. Германия и Италия поглотят Англию и Францию. В 1954 г. Сталин и Молотов с аэростата рассматривают «новую столицу освобождённого человечества» – «подарок любимейшим вождям в честь присоединения Японии, Китая и Индо-Китая к Советскому Союзу». Советская столица перемещается в центр Евразии – на берег реки Иртыш южнее Омска. 1967 г. становится кануном начала величайших битв за мировую революцию, «годом насыщенным острой классовой борьбой в подготовке к этой войне как с нашей стороны, так и со стороны противника»¹⁵⁴.

В 1939 г. советская антиципация подверглась проверке локальным конфликтом в Монголии (Халхин-Гол) и польским походом Красной Армии. Четырехмесячное вооруженное противостояние советских и японских войск в Монголии было насыщено изматывающей степной повседневностью и драматическими боями на земле и в воздухе. Именно там начался болезненный процесс отторжения иллюзий участниками событий: «Наши танки хорошо дерутся только в кинокартинах и другое получается на деле» (военфельдшер саперной роты К.); «Я теперь никогда не поверю, что наши танки давят японские танки. Это абсурд. Вот иногда в кинокартине смотришь, так наши громят японцев, то это все неправда, только так показывают, а на самом деле обманывают народ» (красноармеец Р.); «Когда смотришь кинокартины, то всегда получается, что в наши танки и самолеты противник бьет и не попадает, а вот в действительности, японцы сильные и лупят наших на фронте» (старший писарь А.)¹⁵⁵. Японский солдат оказался упорным, умелым и дисциплинированным противником, равнодушным к советской пропаганде и коминтерновским ценностям. Под впечатлением монгольских событий Г.К. Жуков назовет представление о том, что воюющие против Красной Армии солдаты будут обнимать и целовать советских

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф.5446. Оп.82. Д.111. Л.110-111, 113, 135.

¹⁵⁵ РГВА. Ф.9. Оп.29. Д.505.Л.250,273,275.

бойцов элементом политической наивности¹⁵⁶. Как известно, в первые месяцы конфликта японская сторона завоевала господство в воздухе. Стереотипы «конфетной» войны догорали на земле вместе со сбитыми краснозвездными самолетами, заставляя одних учиться воевать, других, – опустошая и обезволивая. Один из советских пилотов, опасавшийся, что война в Монголии закончится без него, в первой же схватке испытает на себе мастерство японских летчиков и откажется идти в следующий бой: «Тут могут убить»¹⁵⁷. Прежде чем японские войска в районе Халхин-Гола были разгромлены, практически все положения советской антиципации будут опровергнуты фронтовыми буднями.

Несмотря на тот факт, что события в Монголии по политическим мотивам почти не освещались советской прессой и радиовещанием, сведения о небывалых потерях в танках и авиации, все-таки, просачивались за стены наркомата обороны. Именно в период боев на Халхин-Голе профессор, бригадир инженер А. Ахутин высказался против облегченных представлений о войне: «На неправильном пути находятся также авторы некоторых наших фильмов. Исходя из самых лучших побуждений – прославления той или иной воинской единицы, они нередко искажают перспективу будущей войны, чрезвычайно упрощенно рисуя ее обстановку и создавая впечатление у зрителя, что войну может решить рейд одной воздушной эскадрильи или танкового отряда»¹⁵⁸. Непосред-

¹⁵⁶ Шмушкевич М.Ю. *Открытые дали. Рассказы о памятных встречах.* – Киев, 1987. – С.348.

¹⁵⁷ Егоров П. *И грянул бой...* // Халхин-Гол в огне... – М., 1989. – С.178.

¹⁵⁸ Ахутин А. *Против штампа* // Литературная газета. 1 августа 1939. Тогда же, в 1939 г., известный конферансье Н.Смирнов-Сокольский в одном из фельетонов позволил себе подшутить над советскими фильмами «прямого действия»: «На многие наши кинокартины за границей рот разевают. И правильно! Но только надо того добиться, чтобы от некоторых других картин самим с разинутыми ртами по улицам не ходить. Вот я не помню, в каком-то фильме одна наша моторная лодка целый японский броненосец перед собой гонит. Броненосец в эту лодку в упор из пушек стреляет. Гранатами ее засыпает. А та хоть бы хны. В конце концов броненосец не выдерживает – тонет. Сам тонет! От стыда за автров киносценария тонет! Тонет и гудит жалобно: зачем это вам? Потопите меня, но потопите почетно. Я ж броненосец» (Смирнов-Сокольский Н.П. *Сорок пять лет на эстраде.* – М., 1976. – С.82.).

ственно смог в этом убедиться и писатель Н. Шпанов. В район Халхин-Гола он попал в момент, когда советские авиаторы уже на равных сражались против японских асов и постепенно овладели инициативой. Для ветеранов Халхин-Гола Шпанов был, прежде всего, автором шапкозакидательского «Первого удара». В присутствии писателя Герой Советского Союза комкор Я. Смушкевич упрекнул литераторов за постоянные клюквы, попадающиеся в их «авиационном творчестве», и недвусмысленно улыбнулся в сторону Шпанова. Монгольская командировка видоизменит представления Шпанова о современной войне. В очерке «Летчики в бою» он вынужден будет поднять проблему «вредных иллюзий»¹⁵⁹, а новую большую повесть «Истребители» о боях, шедших в «далеких степях», напишет в довольно реалистичной манере (к сожалению, повесть дошла до читателя лишь в отрывках, а ее верстка будет рассыпана в издательстве «Советский писатель» с началом Великой Отечественной войны - чтобы «не дразнить» Японию).

В отличие от монгольской эпопеи краткосрочная польская кампания была широко разрекламирована в Советском Союзе. Фильмы «Танкисты» и «Если завтра война», сопровождавшие Красную Армию в ее так называемом «освободительном» походе, а также принятые в советском обществе ожидания о будущей войне совпали с реальными событиями. Сопротивление, оказанное польскими частями Красной Армии, было пропорционально степени их деморализации германским блицкригом и объяснимой неосведомленности о целях, которые преследовал Советский Союз. Остатки польской армии предпочитали избегать столкновения с советскими войсками, и сдавались под явным давлением превосходящих советских войск. Очень скоро тылы советской армии были запружены пленными. Другой особенностью польской кампании был тёплый приём Красной Армии местным населением, как правило, национальными меньшинствами. Журналист Евгений Кригер подытожил: «...шли вперед в обстановке митингов, летучек, в обстановке чуть ли, лирически скажу, карнавала, потому что были цветы, приветствия и т.д. ...»¹⁶⁰ «Освободительный» по-

¹⁵⁹ Шпанов Н. *Летчики в бою* // Знамя. – №1, 1940. – С.11.

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф.631. Оп.5. Д.249. Л.1.

ход в Польшу трансформировался из сугубо военного мероприятия в своего рода гуманитарную миссию с коммунальным уклоном. Правда, эта пиррова победа была преподнесена обществу в отретушированном виде. Эпизодические попытки организованного сопротивления польских подразделений и ополченцев обнаружат тактическую неграмотность и оперативную близорукость командного состава Красной Армии. Десятки нелепых смертей сопровождали Красную Армию в ее движении на запад: неосторожное обращение с оружием, раздавленные автотранспортом красноармейцы, авто- и авиапроисшествия, железнодорожные катастрофы, паника и вызванная ею беспорядочная перестрелка между красноармейцами и целыми подразделениями и т.д., и т.д. От общественности по распоряжению Сталина скрыли гибель дважды Героя Советского Союза майора С. Грицевца, который был срочно переправлен накануне польской кампании из Монголии в Белорусский военный округ (осенью 1939 г. Н. Шпанов завершит работу над сценарием о Грицевце для Одесской киностудии, однако установленный режим недомолвок похоронит адресную попытку прославления Грицевца). Всё это осталось «за кадром» советской пропаганды¹⁶¹. Кампания была преподнесена как триумфальное шествие Красной Армии, один вид которой обращал врагов в бегство. Фотоаппарат батальонного комиссара А.Амелина, одного из добродушных рецензентов «Первого удара», зафиксирует «лирические» эпизоды кампании: многочисленные трофеи Красной Армии, танковые колонны на польских дорогах, помощь местного населения советским войскам. Сентябрьский опыт засвидетельствовал правомерность принятых ожиданий и усугубил оптимистические представления о войне¹⁶².

Таким образом, проверка антиципации реалиями Халхин-Гола и польским походом Красной Армии дала противоположные ответы о степени ее достоверности, что способствовало

¹⁶¹ Токарев В.А. «... похоронен у деревни Павшино»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 года [в печати]

¹⁶² Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей. – М., 2001.

дальнейшей популяризации искаженных представлений о будущей войне. Даже близкая к апокалипсису по физическим и моральным перегрузкам финская война (1939-1940) не заставит политическую элиту кардинально реформировать «конфетные» постулаты антиципации. Советская антиципация имела компенсаторный характер применительно к обществу. Обещаемый властью военный триумф примирял современника с недавним прошлым и текущей действительностью. Будущая победа над внешним врагом оправдывала методы «социалистического» строительства и предметно убеждала в ненужности жертв и усилий, которыми оно сопровождалось. Ощущение защищенности и уверенности в завтрашнем дне прибавляло сакральности культу вождя и власти в целом. Этими популистскими мотивами отчасти объясняется медлительность и малоэффективность психологической и мировоззренческой перестройки советского общества накануне нацистской агрессии. Оттяжка имела катастрофические моральные последствия. Психологический эффект советских военных утопий был отличен от зарубежных аналогов. Литературовед А.Лейтес считал, что зарубежные романисты, максимально обнажая ужасы и бедствия войны, а также подчеркивая гнетущее всемогущество техники в будущей войне, деморализуют читателя, который с фаталистической обреченностью ждет новой бойни¹⁶³. Страх перед войной становился доминирующим чувством. Советская литература и искусство предлагали безопасную и благородную имитацию современной

¹⁶³ Лейтес А. *Литература двух миров*. – М., 1934. – С.20. Книга майора Гельдерса *Война 1936 года* живописала истребительную войну, кульминацией которой стало уничтожение Парижа и парижан английской авиацией. В книге офицера британской авиации Чарльтона *Война над Англией* германская авиация наносит внезапный удар по английскому району Хендону, где ежегодно проходит авиационный праздник. Сто пятьдесят тысяч пострадавших – цена германского удара по Хендону. Бомбежка Лондона парализует жизнь в британской столице: электростанции выведены из строя, паника в метро влечет гибель восьмидесяти тысяч человек, доки горят, Темза перегорожена потопленными судами. В романе английского публициста Фоулер-Райта *Война 1938 года* фашистская агентура в Чехословакии накануне германской агрессии взрывает бомбоубежища в Праге и десятки тысяч детей, женщин и стариков гибнут под бомбами. Во втором романе Фоулер-Райта *Четыре дня войны* была нарисована ужасная картина разрушения Лондона германской авиацией. Ничего подобного советская официальная антиципация не предусматривала.

войны. Самообольщение кинематографическими и литературными победами способствовало тому, что рядовые современники, по словам поэта Ольги Берггольц, жили убеждением, что «на земле нет сильнее нашей Красной Армии, что страна наша, огромная и могучая, смахнет любого, кто сунется к нам, как лошадь смахивает хвостом овода»¹⁶⁴. И как следствие официальная антиципация вопреки сталинской установке оказала успокоительное и даже демобилизующее влияние на общество. Военная утопия, по словам М.Кузнецовой, обернулась лжесвидетельством, которое в юриспруденции трактуется как соучастие¹⁶⁵. Драма 1941 года, по свидетельству современников, заставит их с горечью вспомнить «Первый удар» и аналогичные книги и фильмы¹⁶⁶, из арсенала которых современник сможет воспользоваться в массовом порядке только правом на самопожертвование в бою или мучительной смертью в плену. В блокадном Ленинграде писатель Николай Тихонов, сам мечтавший когда-то написать роман о грядущей войне, топил печку книгами зарубежных и советских военных специалистов, потому что «ни один их вывод о будущей войне в жизни не осуществился. То ли они нарочно путали, то ли обманывали сами себя, но все, что они писали, оказалось ложью...»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Хренков Д.Т. *Встречи с друзьями*. – Л., 1986. – С.251.

¹⁶⁵ Кузнецова М. *Если завтра война... Оборонные фильмы 1930-х годов* // Историк и художник. – №2, 2005. – С.26.

¹⁶⁶ Галлай М. *Первый бой мы выиграли* // Новый мир. – № 9,1966. – С.19; Яковлев А.С. *Цель жизни. (Записки авиаконструктора)*. – М., 1969. – С.265; Беляков А.В. *В полете сквозь годы*. – М., 1988. – С.295; Лопатников Л.И. *Московский мальчик на войне. Отрывки из воспоминаний старого московского журналиста* // Новый мир. – № 5, 2005.- С.118. Автор *Первого удара* писатель Н.Шпанов в августе 1941 г. будет призван в ряды Красной Армии. Его служба будет проходить в редакции газеты «Сталинский сокол». Из своей первой командировки на фронт Шпанов вернется подавленным неразберихой, неорганизованностью и растерянностью советской армии.

¹⁶⁷ Тихонов Н. *Из пережитого* // Рядом с героями. – Л., 1967. –С.5-6.